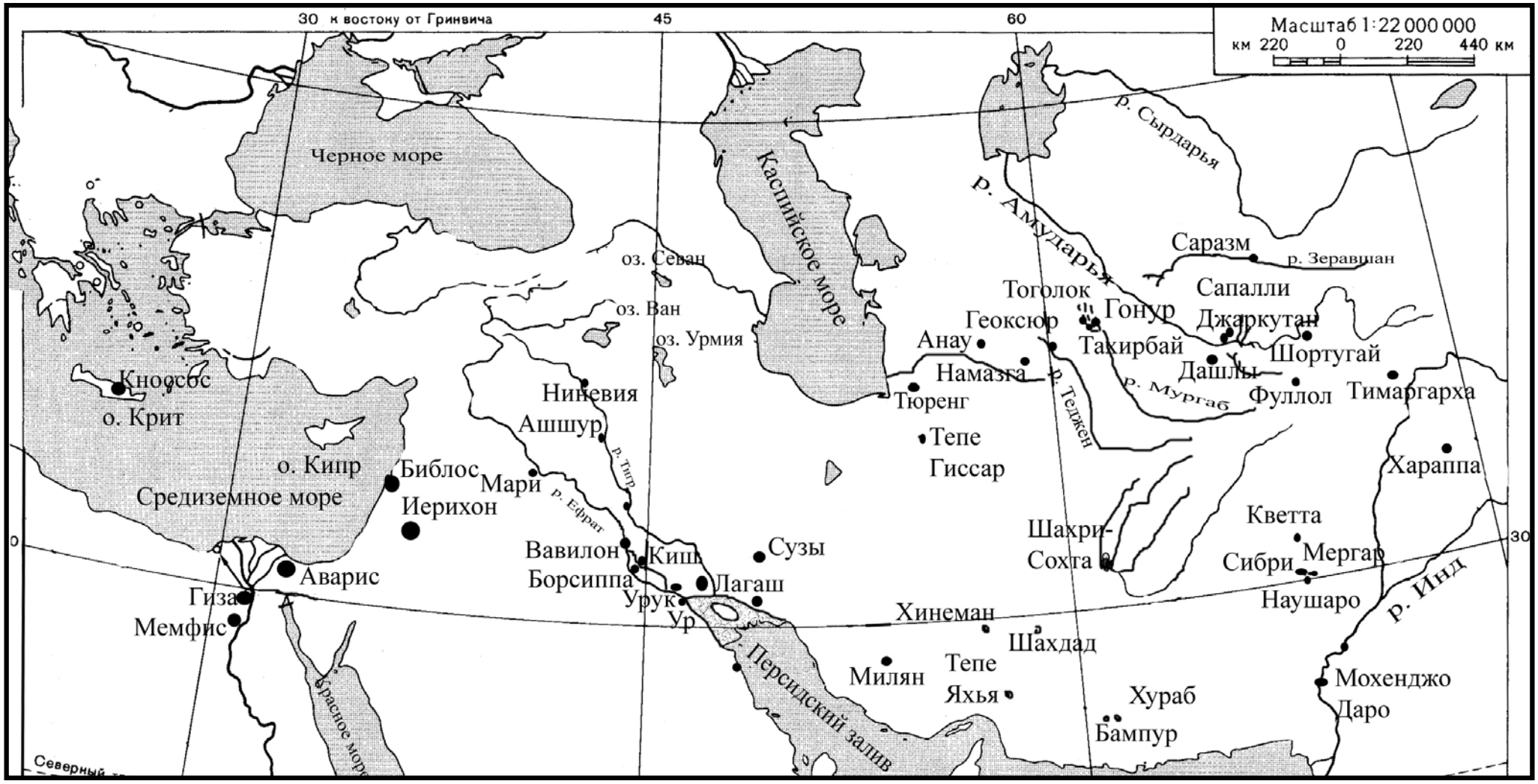
МАРГИАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Т Р У Д Ы

Том 8

Москва 2021


30 к востоку от Гринвича
45
60
Масштаб 1:22 000 000
км 220 0 220 440 км
Черное море
Каспийское море
р. Сырдарья
р. Амударья
оз. Севан
оз. Ван
оз. Урмия
Саразм
р. Зеравшан
Тоголок
Сапалли
Гонур
Геоксюр
Джаркутан
Анау
Такирбай
Шортугай
Намазга
Дашлы
р. Теджен
р. Мургаб
Фуллол
Тимаргарха
Ниневия
Тюренг
Ашшур
Тепе
Гиссар
р. Тигр
о. Крит
Кноссос
о. Кипр
Библос
Мари
Харапа
Средиземное море
Иерихон
р. Ефрат
Кветта
Шахри-
Сохта
Вавилон
Сузы
Сибри
Мергар
Аварис
Борсиппа
Лагаш
Наушаро
Гиза
Урук
Ур
Хинеман
р. Инд
Мемфис
Шахдад
Персидский залив
Милян
Тепе
Яхья
Мохенджо
Даро
Хураб
Бампур
Красное море
Северный

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Маргианская археологическая экспедиция
Алтайский государственный университет

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 8

Исследования Гонур-депе в 2015–2019 гг.

Редакционная коллегия
В.А. Алёкшин, Е.В. Антонова,
Н.А. Дубова (главный редактор), Р.Г. Мурадов,
Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин, А.В. Фрибус

Москва
2021

УДК 05[902+572+599+391](31“636/637”/575.4)
ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)
Т 78

Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 8. Исследования Гонур-депе в 2015–2019
Т 78 годах / Ред. В.А. Алёкшин, Е.В. Антонова, Н.А. Дубова (гл. ред.), Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин, А.В. Фрибус; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории материальной культуры РАН; Алтайский государственный университет – М.: Старый сад, 2021. – 292 с.
ISBN 978-5-89930-165-0

Данный выпуск Трудов включает значительный мемориальный раздел, посвященный ушедшим из жизни коллегам, основателям данной серии и друзьям Маргианской экспедиции — П.М. Кожину, М.Ф. Косареву и О. Леконту. Публикуется ряд неизвестных ранее работ П.М. Кожина. Приводится информация о раскопках 2015–2019 гг. на Гонуре и работах в музеях Туркменистана, дается архитектурный анализ ряда сооружений Гонура и описываются особенности технологии изготовления керамики, а также анализируются биоархеологические данные. Публикуются результаты изучения могильников в Восточном Иране и на территории Пенджикентского района Таджикистана, а также сведения о распространении разных форм мечей на территории Древнего Востока и долины р. Инд. Завершает книгу раздел о гордости Туркменистана — ахалтекинских скакунах.

Издание предназначено для археологов, антропологов и историков архитектуры.

DOI 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428

Transactions of Margiana Archaeological Expedition. Vol. 8. Study of Gonur Depe in 2015–2019 / Eds. V.A. Alyokshin, E.V. Antonova, N.A. Dubova (editor in chief), R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin, A.V. Fribus; N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS; Institute for the History of Material Culture RAS; Altai State University — M.: Staryi sad, 2021. — 292 p.

ISBN 978-5-89930-165-0

This issue of Transaction includes a large memorial section dedicated to the deceased colleagues, founders of this series and friends of the Margiana expedition – Pavel M. Kozhin, Michael F. Kosarev and Olivier Lecomte. A number of previously unknown works by Pavel M. Kozhin is publishing. Information on excavations in 2015–2019 is provided at Gonur and in museums of Turkmenistan, an architectural analysis of a number of structures of Gonur is given and the features of the technology of pottery making as well as bioarchaeological data are described. The results of the study of burial grounds in Eastern Iran and on the territory of the Pendjikent region of Tajikistan are published as well as information about the distribution of different forms of swords on the territory of the Ancient East and the valley of the river Indus. A section about the pride of Turkmenistan — Akhal-Teke horses ends the book.

The issue is intended for archaeologists, anthropologists and historians of architecture.

УДК 05[902+572+599+391](31“636/637”/575.4)
ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 8

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ В 2015–2019 гг.

Подписано в печать 06/09/2021. Формат 90×60/8. Усл. печ. л. 21,75. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Старый сад»

Типография АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный университет»,

143000, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

ISBN: 978-5-89930-165-0

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021
© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
© Маргианская археологическая экспедиция, 2021
© Авторы статей, 2021

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology
and Anthropology RAS

Institute for the History of Material Culture RAS

Margiana Archaeological Expedition

Altai State University

Transactions of the Margiana Archaeological Expedition

Volume 8

Gonur Depe Studies in 2015–2019

Editorial board
V.A. Alyokshin, E.V. Antonova,
N.A. Dubova (editor in chief), R.G. Muradov,
R.M. Sataev, A.A. Tishkin, A.V. Fribus

Moscow
2021

Content

EDITORIAL 8

IN MEMORIAM

Dubova N.A. To the memory of Large Scientists and Friends 11

PAVEL MIKHAILOVICH KOZHIN

Palaguta I.V. Pavel M. Kozhin – strokes for the portrait of the teacher 29

Kozhin P.M. Autobiography 45

Kozhin P.M. Scythian bowl «fallen from the sky» 46

Kozhin P.M. Short program of the course of lectures «History of ceramic production», delivered in 1992–1993 at the Department of Archeology of M.V. Lomonosov Moscow State University 53

Kozhin P.M. Formation of the State (Grounds for interdisciplinary research) (fragments) 55

Kozhin P.M. The four original chariot centers that turned to horseback riding (fragment of the text) 62

MICHAIL FEDOROVICH KOSAREV

Chindina L.A., Chernaya M.P. To the memory of Mikhail F. Kosarev – Scientist and Men 64

Vrtanesyan G.S. To the memory of mentors – Pavel M Kozhin and Mikhail F. Kosarev 68

OLIVIER LECOMTE

Bendezu-Sarmiento J. To the memory of Olivier Lecomte (Saint-Raphael, 23-06-1949 / Paris, 15-01-2019) 77

Cordoba J.M. Remembering the Scientist, colleague and friend Olivier Lecomte 82

CONTINUATION OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AND RESEARCH AT GONUR DEPE

Dubova N.A., Mamedov M.A., Sataev R.M., Fribus A.V., Grushin S.P.
Works of the Margiana archaeological expedition in 2018-2019 years 89

Artemiev V.I. Returning to the «embrasures» of the Kremlin
(On the problem of architectural detailing of the structures of Gonur-Depe) 131

Gutkov A.I. Peculiarities of manufacturing techniques of the pottery originated
from Temenos of Gonur Depe (South Gonur) 143

Kufterin V.V., Dubova N.A., SataevR.M. Does the incidence of diffuse
idiopathic skeletal hyperostosis correlate with high social status
in Gonur Depe skeletal population? 180

BMAC AND SURROUNDINGS AREAS: CULTURAL AND TRADE TIES

Vahdati A.A., Biscione R. The Bronze Age necropolis of Chalow:
insights into the funeral practices of BMAC people in northeastern Iran. 193

Vinogradova N.M., Kurbanov Sh.F., Bobomulloev S. Preliminary results
of the study of the Mustafotepe burial ground in the Zerafshan valley.....215

Attachment 1.
Dubova N.A., Navruzbekov M.N. Human remains from the Mustafotepe burial ground 224

Semenenko A.A. «Sword argument» and origin of Indo-Arians..... 225

ON THE TURKMEN HORSE BREEDING

Ryabova T.N. From the history of the Akhal-Teke breed 259

LIST OF ABBREVIATIONS 272

ABOUT AUTHOURS 274

Содержание

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ 9

IN MEMORIAM

Дубова Н.А. Памяти Больших Ученых и друзей 11

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ КОЖИН

Палагута И.В. Павел Михайлович Кожин – штрихи к портрету Учителя 29

Кожин П.М. Автобиография 45

Кожин П.М. Скифская чаша, «упавшая с неба» 46

Кожин П.М. Краткая программа спецкурса «История керамического производства», прочитанного в 1992–1993 гг. на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова 53

Кожин П.М. Становление государства (основания для интердисциплинарных исследований) (фрагменты) 55

Кожин П.М. Четыре первоначальных колесничных центра, перешедшие к верховой езде (фрагмент текста) 62

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ КОСАРЕВ

Чиндина Л.А., Чёрная М.П. Памяти Михаила Фёдоровича Косарева – Учёного и Человека 64

Вртанесян Г.С. Памяти наставников — Павла Михайловича Кожина и Михаила Федоровича Косарева 68

ОЛИВЬЕ ЛЕКОНТ

Бендезу-Сармиенто Х. Памяти Оливье Леконта (Сан-Рафаэль, 23.06.1949 / Париж, 15.01.2019) 77

Кордоба Х.М. Вспоминая Ученого, коллегу и друга Оливье Леконта 82

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК И ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОНУР-ДЕПЕ

Дубова Н.А., Мамедов М.А., Сатаев Р.М., Фрибус А.В., Грушин С.П. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018-2019 годах 89

Артемьев В.И. Возвращаясь к «амбразурам» кремля (К проблеме архитектурной детализации сооружений Гонур-депе) 131

Гутков А.И. Особенности изготовления гончарной керамики Южного Гонура (Теменоса) 143

Куфтерин В.В., Дубова Н.А., Сатаев Р.М. Диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз у населения Гонур-Депе – показатель социальной дифференциации? 180

БМАК И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ: КУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Вахдати А.А., Бишоне Р. Некрополь бронзового века Чалоу: Изучение похоронной практики населения БМАК в Северо-Восточном Иране 193

Виноградова Н.М., Курбанов Ш.Ф., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследования могильника Мустафотепе в долине р. Зерафшан 215

Приложение 1.
Дубова Н.А., Наврузбеков М.Н. Палеоантропологические материалы из могильника Мустафотепе 224

Семененко А.А. Аргумент меча и происхождение индоариев 225

О ТУРКМЕНСКОМ КОНЕВОДСТВЕ

Рябова Т.Н. Из истории ахалтекинской породы 259

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 272

ОБ АВТОРАХ 274

А.А. Семененко

Аргумент меча и происхождение Индоариев

Ригведа и Атхарваведа Шаунаки не знают медных или бронзовых мечей, поэтому должны датироваться в своих ареалах на северо-западе Индостана до появления такого оружия в этом регионе. Оба собрания гимнов не могли быть созданы после 2000 до н.э., поскольку с этого времени в долине Инда и в Доабе Ямуны–Ганги появляются мечи, которые не упоминаются обеими Самхитами. Это подтверждает датировку Атхарваведы Шаунаки до 2000 до н.э. (т.е. эпохой Зрелой Хараппы), а более архаичной Ригведы – несколькими веками ранее (до 2600 г. до н.э., т.е. эпохой Ранней Хараппы). Изучение данных о медных и бронзовых мечах Старого Света разных типов (прямых обоюдоострых, мачете-секачей, серпообразных, «рапир», «гарпунов») 3500–2000 до н.э. исключает из списка возможных прародин индоариев Киклады, Анатолию, Сирию, Палестину/Израиль/Ханаан, Северо-Западный Кавказ, Закавказье, Аккад, Шумер, Элам и Бактрию-Маргиану в те периоды, когда они уже имели медные или бронзовые мечи.

A.A. Semenenko

«Sword argument» and origin of Indo-Arians

Rigveda and Atharvaveda Shaunaka Samhitas have been carefully analyzed to check whether they mention copper or bronze swords. It has turned out that both texts do not know swords (only knives) and therefore must be dated in their habitats in the Northwest of the Indian subcontinent prior to the introduction of such weapons into the region. Swords have been archaeologically evidenced both in the Indus valley and in the Yamuna–Ganges Doab only after 2000 BC. This confirms the dating of Atharvaveda Shaunaka prior to 2000 BC, and more archaic Rigveda – a few centuries earlier (prior to 2600 BC). Then all available data on the copper and bronze swords of different types (straight double-edged, machete–cleaver, sickle-shaped, 'rapier', 'harpoon') originating from the Old World and dating back to 3500–2000 BC have been collected and scrutinized. Thus Cyclades, Anatolia, Syria, Palestine/ Israel/ Canaan, North-Western Caucasus, Transcaucasia, Akkad, Sumer, Elam and Bactria–Margiana territories have been excluded from the possible homelands of Indo-Aryans in the periods when they already had copper or bronze swords.

DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-225-257

Одним из важных хронологических и географических критериев для определения происхождения и локализации первичного очага индоариев является такой ключевой элемент вооружения и воинского культа поздних индоевропейцев как меч. Поэтому тексты Ригведы (далее РВ) и Атхарваведу Шаунаки (далее АВШ) были изучены нами на предмет упоминания или описания ими этого оружия.

Далее следует определить ареалы РВ и АВШ в Северо-Западном Индостане. Необходимо отметить, что на основании целого ряда взаимоподтверждающих критериев мы датируем РВ (Rigveda; Ригведа, 1989–1999) между 3300 и 2600 до н.э. (основную часть гимнов между 2700–2600 до н.э.), а более позднюю АВШ (Atharva-Veda; Атхарваведа, 2005–2010) – примерно 2600–1900 до н.э. (Семененко, 2015–2018; Semenenko, 2016).

В древнейшей части РВ самым звучным (или лучшим) и сверкающим потоком и самой материнской объявляется Мать–Сарасвати (*ámbitame nádītame dévitame sárasvati amba*) (II.41.16) или современная эфемерная Сарсути–Гхаггар–Хакра–Нара. Она выделяется изо всех других рек своим чистым течением от гор до моря (*ékācetat sárasvatī nadī́nāṃ śúcir yatī́ giríbhya ā́ samudrā́t*) (VII.95.2). Физическим денотатом будет полноводное течение Сарасвати от Гималаев до Индийского океана. Этот вывод подтверждается именованием Сарасвати в той же хронологической части памятни-

ка самой деятельной из деятельных (*apásām apástamā sárasvatī*) (VI.61.13), набухающей за счет других потоков (*sárasvatī síndhubhiḥ pínvamānā)* (VI.52.6), проломившей спину гор мощными волнами как роющий корни зверь (*iyáṃ śúṣmebhir bisakhā́ ivārujat sā́nu girīṇā́ṃ taviṣébhir ūrmíbhiḥ sárasvatīm*) (VI.61.2) и создавшей для поселений речной край (*sárasvati utá kṣitíbhyo avánīr avindo*) (VI.61.3). Сарасвати упоминается вместе со своим притоком Дришадвати (*dr̥ṣádvatyām sárasvatyāṃ revád agne didīhi*) (III.23.4) или современным Чаутангом, который оставался полноводным на протяжении всего III тыс. до н.э. (Garge, 2014, p. 184–185) Мощное течение Сарасвати описывается как мчащаяся и ревущая стремнина, бесконечная, непетляющая, опасная, подвижная и бурная (*yásyā anantó áhrutas tveṣáś cariṣṇúr arṇaváḥ | ámaś cárati róruvat*) (VI.61.8). Люди не хотят уходить от нее в отдаленные края (*mā́ tvát kṣétrāṇi áraṇāni ganma*) (VI.61.14), что в физическом смысле указывает еще раз на ее полноводность. К более позднему по сравнению с семейным ядром РВ относится упоминание проживания на Сарасвати многочисленных правителей (*cítra íd rājā rājakā́ íd anyaké yaké sárasvatīm ánu*) (VIII.21.18). По данным одной из древнейших мандал памятника, матерью Сарасвати является Синдху (*sárasvatī síndhumātā*) (VII.36.6), что может указывать на впадение Инда в Сарасвати в тот период. Изо всех рек Сарасвати связана с Асурами – Господами Дыхания Жизни–Асу (*asuríyā nadī́nām sárasvatīm*) (VII.96.1), что опять-таки указывает на ее жизнеспособность и мощь. Она, происходящая из огромного неба и горы (см. также: *ā́ no divó br̥hatáḥ párvatād ā́ sárasvatī gantu* (V.43.11)), именуется деятельным потоком–женой Быка (*apáso vr̥ṣ̣ṇaḥ pátnīr nadíyo vibhvataṣṭā́ḥ | sárasvatī br̥haddivótá rākā́*) (V.42.12).

Ядром ригведийского ареала являлись долина Сарасвати и территория совр. штатов Восточный Пенджаб и Харьяна (Wilson, 1864, p. CIV–CV; Lassen, 1867, s. 616; Thomas, 1882, p. 378; Hopkins, 1898, p. 19–28; Hopkins, 1901, p. 30–31; Keith, 1925, p. 3; Елизаренкова, 1972, с. 12–13 и 58, Прим. 145–146; Gonda, 1989, p. 1; Бонгард-Левин, 2001, с. 134–135; Bryant, 2004, p. 168; Бонгард-Левин, 2008, с. 63).

В одной из наиболее поздних частей РВ говорится, что своим знаменем Сарасвати озаряет великую пучину (*mahó árṇaḥ sárasvatī prá cetayati ketúnā*) (I.3.12). Физическим денотатом выступает впадение Сарасвати в Индийский океан. В самой поздней X мандале Сарасвати, Сараю и Синдху–Инд призываются со своими волнами и помощью как великие, могучие, подкрепляющие и божественные Воды–Матери (*sárasvatī saráyuḥ síndhur ūrmíbhir mahó mahī́r ávasā́ yantu vákṣaṇīḥ | devī́r ā́po mātáraḥ*) (X.64.9). В Гимне Рекам дается такой список рек (идентификация Т.Я. Елизаренковой): Ганга, Ямуна, Сарасвати, Шутудри=Сатледж, Парушни=Рави, Марудвридха, Асикни=Чхенаб, Витаста=Ветх, Арджикия, Сушома=Сохаи, Триштама, Сусарту, Раса, Шветья, Синдху, Кубха=Кабул, Гомати=Гумал, Мехатну и Круму=Куррам (*imám me gaṅge yamune sarasvati śútudri stómaṃ sacatā páruṣṇi ā́ | asikniyā́ marudvr̥dhe vitástayā ā́rjīkīye śr̥ṇuhi ā́ suṣómayā || tr̥ṣṭā́mayā prathamáṃ yā́tave sajū́ḥ susártuvā rasáyā śvetiyā́ tiyā́ | tuváṃ sindho kúbhayā gomatī́ṃ krúmum mehatnuvā́ sarátha ṃ yā́bhir ī́yase*) (X.75.5–6). Перечисление рек с востока на запад и восхваление Синдху–Инда (X.75.1, 2, 3, 4, 7, 8, 9) на фоне простого упоминания остальных потоков указывает на продвижение индоариев ко времени создания X мандалы из внутренних районов Индостана (Восточного Пенджаба, верховий Сарасвати=Сарсути–Гхаггар–Хакры и Доаба Ганги–Ямуны (Ямуна (V.52.17; VII.18.19) и Ганга (VI.45.31) упоминаются уже в древнейшей части РВ)) на (юго-)запад в долину Инда вплоть до Индийского океана. Поздняя РВ упоминает Гималаи (*yásya imé himávanto mahitvā́*) (X.121.4).

Уже древнейшая часть АВШ неоднократно упоминает Гималаи: *yásya víśve himávanto mahitvā́ samudré yásya rasā́m íd āhúḥ / imā́ś ca pradíśo yásya bāhū́ kásmai devā́ya haviṣā́ vidʰema* //5// «Благодаря чьему могуществу – все снежные горы (*víśve himávanto*), чьему – говорят о Расе в океане, / и чьи руки – эти стороны света – какого бога мы почтим жертвен-

ным возлиянием? //5//» (IV.2.5); *yád ā́ñjanaṃ traikakudám jātáṃ himávatas pári / yātū́ṃś ca sárvāñ jambʰáyat sárvāś ca yātudʰānyàḥ* //9// «Та мазь, происходящая с Трикакуда, что рождена на Гималаях, / да загрызет она всех колдунов и всех колдуний! //9//» (IV.9.9); *suparṇasúvane giraú jātáṃ himávatas pári //2// údaṅ jātó himávataḥ sá prācyā́ṃ nīyase jánam* //8// «На горе, где гнездятся орлы, рождена, со снежной (himávatas). //2// Ты рождена на севере от снежной (*himávataḥ*), на восток тебя отправляют к людям //8//» (V.4.2, 8); *gárbʰo himávatām* «зародыш снежных гор» (VI.95.3). Отсылка к Гималаям есть во второй по древности части АВШ: *giráyas te párvatā himávantó ‘raṇyaṃ te pr̥tʰivi syonám astu* «Пусть холмы твои, горы, покрытые снегом (*himávantó*), / лесные заросли твои, о Земля, будут дружелюбны!» (XII.1.11)

Вообще авторы уже древнейшей части АВШ знали, что реки Пенджаба текут с Гималаев и впадают в Синдху: *himávataḥ prá sravanti síndʰau samaha saṅgamáḥ / ā́po ha máhyaṃ tád devī́r dádan hr̥ddyótabʰeṣajám //1// sindʰupatnīḥ síndʰurājñīḥ sárvā yā́ nadyà1 stʰána / dattá nas tásya bʰeṣajáṃ ténā vo bʰunajāmahai* //3// «Они текут вперед со снежной (*himávataḥ*). Место встречи где-то в Синдху. / Так пусть божественные воды даруют мне исцеление от жжения в сердце! //1// С Синдху-повелительницей, с Синдху-царицей, о вы, все реки, которые есть, / дайте нам исцеление от этого! Для этого мы хотим воспользоваться вами. //3//» (VI.24.1, 3) Помимо этих двух случаев, Синдху еще несколько раз упоминается в древнейшей части АВШ (IV.13.2 – *síndʰor*; IV.33.8 – *síndʰum*; VI.1.2 – *síndʰau*; VI.24.1 – *síndʰau*; VI.24.3 – 2 раза – *sindʰupatnīḥ síndʰurājñīḥ*; VII.46.1 – *sindʰutás*).

В древнейшей части АВШ упоминаются несколько раз семь рек Северо-Западного Индостана: *yā́vatī dyā́vāpr̥tʰivī́ varimṇā́ yā́vat saptá síndʰavo vitaṣṭʰiré* «Насколько протяженностью Небо-и-Земля, насколько простерлись семь рек» (IV.6.2); *ápāṃ napāt sindʰavaḥ saptá pātana* «О ты, Отпрыск вод, о семь рек, защитите!» (VI.3.1); *ahám r̥tū́ṃr ajanayaṃ saptá síndʰūn* «Я породил времена года, семь рек» (VI.61.3).

Авторы древнейшей части АВШ упоминают реку Рави, на которой в эпохи Ранней, Зрелой и Поздней Хараппы располагался город Хараппа: *mádʰu páruṣṇī* //3// «Мед – Парушни» //3// (VI.12.3) Комментарий Т.Я. Елизаренковой: «Парушни (*páruṣṇī* букв. «поросшая камышом») – название реки в Пенджабе (совр. Рави)» (Елизаренкова, 1976, с. 341).

Также авторы АВШ знают о впадении Синдху в океан: *yásyāṃ samudrá utá síndʰur ā́po yásyām ánnaṃ kr̥ṣṭáyaḥ saṃbabʰūvúḥ* «На ком океан и река, воды, на ком возникли пища, пашни» (XII.1.3). Уже в древнейшей части АВШ упоминается раковина из Синдху и из океана: *diví jātáḥ samudrajáḥ sindʰutás páry ā́bʰr̥taḥ / sá no hiraṇyajā́ḥ śaṅkʰá āyuspratáraṇo maṇíḥ* «Рожденная на небе, рожденная в океане (*samudrajáḥ*), принесенная из реки (*sindʰutás*), / эта раковина, рожденная от золота, – наш амулет, преодолевающий срок жизни» (IV.10.4). Синдху известен и авторам самой поздней части АВШ: *yátʰā síndʰur nadī́nāṃ sā́mrājyaṃ suṣuvé vr̥ṣā* «Как могучий Инд создал себе господство среди рек» (XIV.1.43).

В древнейшей части АВШ утверждается: *devā́ imáṃ mádʰunā sáṃyutaṃ yávaṃ sárasvatyām ádʰi maṇā́v acarkr̥ṣuḥ / índra āsīt sī́rapatiḥ śatákratuḥ kīnā́śā āsan marútaḥ sudā́navaḥ* //1// [первый вариант перевода:] «Этот ячмень, смешанный с медом, боги глубоко вспахали для рода людского на Сарасвати. // Индра стомудрый был хозяином плуга, пахарями были щедрые Маруты»; [второй вариант перевода:] «Этот пропитанный медом ячмень боги запахивали на Сарасвати ради Ману (?). / Индра стосильный был господином борозды. Щедро дающие Маруты были пахарями» (VI.30.1). Этот стих показывает нам, что: 1) этот гимн АВШ был создан как минимум до 2000 г. до н.э.; 2) уже тогда арии обитали на Сарасвати; 3) они знали, что с самого начала их предки занимались пахотным земледелием на той же Сарасвати, поскольку они приписывают своим богам вспашку ячменя на этой реке. И в самой поздней части АВШ мы находим стих: *ā́ me dʰánaṃ sárasvatī páyaspʰātiṃ ca dʰānyàm / sinīvā́ly úpā́ vahād ayáṃ caúdumbaro maṇíḥ* //10// «Богатство и

жир молока, зерно пусть принесут мне / Сарасвати, Синивали и этот амулет из удумбары! //10//» (XIX.31.10). Этот очень важный стих показывает, что даже во время завершения составления АВШ долина Сарасвати изобиловала продуктами молочного животноводства и производства зерновых культур.

Еще один важный для определения ареала АВШ гимн сообщает: *óko asya mū́javanta óko asya mahāvr̥ṣā́ḥ / yā́vaj jātás takmaṃs tā́vān asi bálhikeṣu nyocaráḥ //5// tákman mū́javato gach̥a bálhikān vā parastarā́m / śūdrā́m ich̥a prap̥harvyà1ṃ tā́ṃ takman vī́va dh̥ūnuhi //7// mahāvr̥ṣā́n mū́javato bándh̥v addh̥i parétya / praitā́ni takmáne brūmo anyakṣetrā́ṇi vā́ imā́ //8// anyakṣetré ná ramase vaśī́ sán mr̥dayāsi naḥ / ábh̥ūd u prā́rth̥as takmā́ sá gamiṣyati bálhikān //9// tákman bh̥rā́trā balā́sena svásrā kā́sikayā sahá / pāpmā́ bh̥rā́tr̥vyeṇa sahá gách̥āmúm áraṇaṃ jánam //12// gandh̥ā́rib̥h̥yo mū́javadb̥h̥yó ‘ṅgeb̥h̥yo magádh̥eb̥h̥yaḥ / praiṣyán jánam iva śevadh̥íṃ takmā́naṃ pári dadmasi //14//* «Ее дом – муджаванты. Ее дом – махавриши. / Только родилась ты, лихорадка, сразу стала как дома среди балхиков. //5// Лихорадка, иди к муджавантам или к балхикам, еще подальше. / Ищи похотливую шудрянку – ее потряси, лихорадка, немножко! //7// Уходя прочь, съешь родню – махавришей, муджавантов! / Те я провозглашаю для лихорадки. Эти же – поля совсем других! //8// Ты не останешься в поле у другого. Послушная, ты будешь милостива к нам! / Совсем готова лихорадка: она уйдет к балхикам! //9// Лихорадка, вместе с братом-баласой, вместе с сестрой-кашлем, / вместе с племянником-лишаем, иди к тому, чужому народу! //12// Гандхари, муджавантам, ангам, магадхам / мы вручаем лихорадку, как посылают человеку драгоценность. //14//» (V.22.5, 7–9, 12, 14). Комментарий Т.Я. Елизаренковой: «муджаванты (*mū́javant*) – горное племя, живущее в Гималаях; балхики (*bálhika*) – племя, живущее на крайнем северо-западе (современный округ Балх Северного Афганистана)... гандхари (*gandh̥ā́ri*) – отождествляются с гандхара..., жившими на северо-западе (современная область Равалпинди – Пешавар)» (Елизаренкова, 1976, с. 335). Попутно следует отметить, что авторы данного гимна АВШ явно рассматривают обитателей северо-западных подгорных регионов Индостана как чуждый им, варварский, враждебный народ. Это явно опровергает инвазионистско-иммиграционистскую гипотезу о проникновении предков индоариев в Южную Азию через ее северо-западную часть. Если бы они шли оттуда, то эти регионы считались бы прародиной, священной областью. На противоположной – восточной – окраине мира создателей АВШ обитают племена ангов и магадхов, проживающих на восток от Доаба (Двуречья) Ямуны и Ганги в среднем и нижнем течении последней. Ямуна упоминается в древнейшей части АВШ: *yádi yāmunám ucyáse* «если ты зовешься происходящей от Ямуны» (IV.9.10).

Переводчица РВ на русский язык Т. Я. Елизаренкова указывает, что у ригведийских ариев «металлическими были ножи… мечи… в ходу были… мечи» (Елизаренкова, 1989б, с. 450–451). В другом месте она и В. Н. Топоров повторяют, что «в ходу были… мечи… металлическими были или мыслились ножи… мечи» (Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 516–517).

Между тем в самом переводе РВ Т. Я. Елизаренковой слова «меч» и «клинок» почти не встречаются. Так, см.: *chíśīta téjo áyaso ná dhā́rām* «Он оттачивает пламя, словно клинок из железа» (VI.3.5). Но ср. в другом месте: *codáya dhíyam áyaso ná dhā́rām* «Отточи молитву, словно лезвие из металла!» (VI.47.10). Ср. также: *dhā́rām agnér aśāyata* «Заморозил лезвие огня» (VIII.73.9). При этом в комментарии Т. Я. Елизаренкова указывает: «из двух омонимов *dhā́rā* – «поток» и «лезвие» выбирается второй как более подходящий к контексту» (Елизаренкова, 1999а, с. 717). Следует сразу отметить, что железа авторы РВ не знали: «В РВ существовало разделение на благородный металл – золото (*hiraṇya*) и обычный (*ayas*)... Под обычным металлом подразумевается медь» (Елизаренкова, 1989, с. 449–450; см. также: Macdonell, Keith, 1912a, p. 31–32; Müller, 1912, p. 252–263; Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 517). Этот момент необходимо учитывать при использовании перевода РВ Т. Я. Елизаренковой.

Рассмотрим следующее упоминание: *tuváṃ tā́n vr̥trahátye codayo nŕ̥n kārpāṇé śūra vajrivaḥ* «Ты этих мужей возбуди для убийства врагов, для сражения мечами, о герой, наделенный дубиной грома» (X.22.10). Но в комментарии отмечено: «Для сражения мечами (*kārpāṇé*)... – Значение не вполне достоверно» (Елизаренкова, 1999б, с. 431). Под вопросом оставляет это слово в своем переводе и К. Ф. Гельднер (Geldner, 1951в, s. 158–159). А С. В. Джэмисон и Дж. П. Бреретон вообще указывают: «Единственный раз упоминаемый термин *kārpāṇé*, который другие интерпретируют как «в битве на мечах» (связывая его с гораздо более позднее зафиксированным словом *kr̥pāṇa* «меч»), мы соотносим с авестийским словом *karapan* (читаемым двусложно в Гатхах), обозначением человека или людей, враждебных маздаяснийской религии и ассоциируемых с равно враждебными *kauuis* (напр., Ясна 44.20, Ясна 32.12, 14-15, Ясна 46,11) – так же, как и наше *kārpāṇé*, встречается в стихе с неопределенными (и, как это бывает, синтаксически непривязанными) *kavis*» (The Rigveda, 2014, p. 1405–1406).

А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит указывают, что в РВ термин «*asi* обычно обозначает нож для жертвоприношения» и ссылаются при этом на стихи I.162.20; X.79.6 и X.86.18 (Macdonell, Keith, 1912a, p. 47). Приведем эти сообщения в переводе Т. Я. Елизаренковой. В первом случае описывается ритуальное разделывание жертвенного животного, поэтому речи о мече быть не может: *mā́ tvā tapat priyá ātmāpiyántam mā́ svádhitis tanvà ā́ tiṣṭhipat te | mā́ te gr̥dhnúr aviśastā́tihā́ya chidrā́ gā́trāṇi asínā míthū kaḥ* «Пусть не мучит тебя ощущение жизни, когда ты вступаешь! | Пусть топор (*svádhitis*) не причинит ущерба твоему телу! Пусть торопливый неопытный расчленитель, промахнувшись ножом (*asínā*), не приготовит неверно поврежденные члены!» (I.162.20). Во втором случае тоже описывается разделка туши быка ножом по суставам: *ákrīḷan krī́ḷan hárir áttave ‘dán ví parvaśáś cakarta gā́m ivā́siḥ* «Не играя, играя, золотистый, чтобы съесть без зубов, разрезал, как нож (*ivā́siḥ*) быка по суставам» (X.79.6) В третьем случае нож перечисляется среди других предметов: *ayám indra vr̥ṣā́kapiḥ párasvantaṃ hatáṃ vidat | asíṃ sūnā́ṃ návaṃ carúm ā́d édhasyā́na ā́citaṃ víśvasmād índra úttaraḥ* «О Индра, этот Вришакапи нашел убитого дикого осла, | меч (*asíṃ*), корзину, новый горшок, а также повозку, груженую дровами. Индра – выше всего!» (X.86.18). Хотя Т. Я. Елизаренкова дает здесь перевод «меч», столь же возможен перевод «нож» (именно так – «*knife*» – переводят С. В. Джэмисон и Дж. П. Бреретон (The Rigveda, 2014, p. 1528)). Еще один раз термин *así* переводится Т. Я Елизаренковой как «нож»: *tuváṃ ha tyád r̥ṇayā́ indra dhī́ro asír ná párva vrjinā́ śr̥ṇā́si | prá yé mitrásya váruṇasya dhā́ma yújaṃ ná jánā mināńti mitrám* «А ты, Индра, был там умным мстителем. Как нож (*asír*) – суставы, ты сокрушаешь обманы, | кто предает установление Митры, Варуны, как люди друга-союзника» (X.89.8). Здесь так же очевидно, что перед нами упоминание не меча, а разделочного ножа. И в комментарии Т. Я. Елизаренкова указывает: «*Как нож – суставы* (*asír ná párva*)... – Как показывает Б. Шлерат, слово *así-* в РВ обозначает не меч (более позднее значение), а специальный нож для расчленения суставов убитого жертвенного животного» (Елизаренкова, 1999б, с. 491).

Необходимо отметить, что Т. Я. Елизаренкова дважды при утверждении о знакомстве ригведийцев с мечом ссылается на монографию Сарва Даман Сингха «Ancient Indian Warfare: With Special Reference to the Vedic Period» (Singh, 1965). Между тем в ней почти не рассматриваются данные РВ. Автор со ссылкой на рассмотренные нами выше стихи РВ I.162.20; X.79.6 и X.86.18 указывает: «Слово *asi*, обнаруживаемое в Ригведе и позднее, обозначает жертвенный меч или нож, а также оружие войны» (Singh, 1965, p. 95).

По словам Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, древнеиндийское слово así «меч, резак» восходит к общеиндоевропейскому термину для обозначения бронзового или медного меча (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 739). Однако еще О. Шрадер писал: «…все указывает [на то], что изначально это слово обозначало ничего более чем «боевой нож», как предполага-

ют Бетлингк и Рот для санскритского слова» (Schrader, 1890, p. 224). Также Д. П. Мэллори и Д. К. Эдэмс отмечают: «…значительный интерес представляет слово *$h_{2/3}$ŗnsis, поскольку оно значит ‘меч’ в латинском *ēnsis*, авестийском *ahū-* и санскрите *así-*; оно также может обозначать ‘нож для убийства’. Эти зафиксированные значения могут сперва казаться подкрепляющими [перевод данного термина] как ‘меч’, но это слово в общем должно рассматриваться как семантически несовместимое с любой датой до примерно 2000–1500 гг. до н.э., когда древнейшие мечи стали появляться в археологической летописи (есть очень немногие исключения). Вероятно тогда, что данное слово могло изначально обозначать ‘кинжал’ или ‘нож’ (что оно, судя по всему, делает в более ранней ведийской литературе) и что оно развило значение ‘меч’ независимо в каждой из языковых групп, в которых оно обнаруживается. Некоторую поддержку этому дает тот факт, что существует также родственное палайское (*hasīra-*), которое дает нам наше древнейшее цитирование этого слова и здесь оно обозначает ‘кинжал’» (Mallory & Adams, 2006, p. 245).

По поводу еще одного термина *kr̥ti* А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит отмечают: «…из одного отрывка в Ригведе, где Маруты описаны как имеющие *kr̥ti* [множ.ч.], Циммер заключает, что это слово означает кинжал (*dagger*), используемый на войне. Но нет свидетельств того, что kr̥ti когда-либо было человеческим оружием» (Macdonell, Keith, 1912a, p. 179). Приведем этот фрагмент в оригинале и переводе Т. Я. Елизаренковой: *hásteṣu khādíś ca kr̥tíś ca sáṃ dadhe* «в их руках соединились пряжка и нож» (I.168.3).

Вообще А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит утверждают, что меч использовался ведийцами очень редко (Macdonell, Keith, 1912б, p. 417).

В переводе Т. Я. Елизаренковой слово «нож» встречается еще несколько раз. Рассмотрим их, чтобы проверить, не могут ли быть соответствующие термины интерпретированы как «меч» или «клинок». Первый гласит: *dādr̥hāṇó vájram índro gábhastiyoḥ kṣádmeva tigmám ásanāya sáṃ śiyad | ahihátyāya sáṃ śiyat* «Крепко держа в руках ваджру, Индра наточил (ее) острой, как нож, для метания, | он наточил для убийства змея» (I.130.4). Здесь описывается нож для метания (*ásanāya*), поэтому другой перевод исключен. Во втором случае говорится: *bhū́rīṇi bhadrā́ náriyeṣu bāhúṣu vákṣassu rukmā́ rabhasā́so añjáyaḥ | áṃseṣu étāḥ pavíṣu kṣurā́ ádhi váyo ná pakṣā́n ví ánu śríyo dhire* «Много вещей, несущих счастье, на ваших мужественных руках, на груди – золотые пластинки, пронзительно яркие украшения, | на плечах – (шкуры) антилоп, на ободьях (колес) – ножи. Как птицы – крылья, раскинули они красоты» (I.166.10). Вряд ли мечи закреплялись на ободьях (*pavíṣu*). Скорее, речь идет о лезвиях (*kṣurā́*) ободьев. Сравните встречающееся в АВШ слово *kṣurápavir* (XII.5.9(20)) – «букв. «обод колеса, острый, как нож». У Уитни: “Keen-edged”« (Елизаренкова, 2007, с. 280). В третьем случае сказано: *sáṃ naḥ śiśīhi bhuríjor iva kṣuráṃ* «Заостри нас, как нож в тисках!» (VIII.4.16). Здесь невозможно определить, о каком точно оружии или инструменте идет речь. В четвертом случае сказано: *śaśáḥ kṣurám pratiáñcaṃ jagāra* «Заяц проглотил направленный на него нож» (X.28.9). Здесь исключен перевод «меч» или «клинок», потому что с мечами на зайцев не охотятся.

Еще один термин в РВ, по Т. Я. Елизаренковой, может означать «большой нож»: *vā́śīm éko bibharti hásta āyasī́m* «Один несет в руке топор железный» (VIII.29.3). Т. Я. Елизаренкова указывает в комментарии к этому стиху: «... *несет в руке топор* (*vā́çīm*)... – Sc. Тваштар – создатель всех форм. Топор или большой острый нож, характерный для него инструмент, с помощью которого он вытесывает предметы» (Елизаренкова, 1999а, с. 690). Меч в любом случае не предназначался для творчества и ремесла. В другом месте говорится: *tváṣṭā māyā́ ved apásām apástamo bíbhrat pā́trā devapā́nāni śáṃtamā | śíśīte nūnám paraśúṃ suāyasáṃ yéna vr̥ścā́d étaśo bráhmaṇas pátiḥ || sató nūnáṃ kavayaḥ sáṃ śiśīta vā́śībhir yā́bhir amŕ̥tāya tákṣatha* «Тваштар знает волшебные превращения, самый деятельный из деятельных: он приносит самые счастливые сосуды для питья богов. | Сейчас он точит топор

(*paraśúṃ*) из хорошего железа (см. выше, речь идет о меди/бронзе), которым будет рубить переливающийся всеми цветами (?) Брахманаспати. || О поэты, точите же сейчас все вместе топоры (*vā́śībhir*), которыми вы вытесываете для бессмертия!» (X.53.9–10) Здесь употреблен типичный глагол, обозначающий плотницкое дело (*tákṣatha*). Рассмотрим другие случаи упоминания данного слова в РВ: *yé sākáṃ vā́śībhir ájāyanta* «что родились вместе с топорами» (I.37.2) В комментарии также добавлено: «Перечисляются атрибуты Марутов: их … топоры (*vā́çī-*)» (Елизаренкова, 1989а, с. 565). Снова в описании Марутов: té vā́śīmanta «они, носящие топоры» (I.87.6); *yé vā́śīṣu* «что снабжены топорами» (V.53.4); vā́śīmanta «снабженные топорами» (V.57.2); *sahó vájrahastaiḥ marúdbhiḥ híraṇyavāśībhiḥ* «вместе с Марутами, у которых в руках дубины, золотые топоры (híraṇyavāśībhiḥ)» (VIII.7.32). То, что *vā́śī* Марутов были топорами, косвенно подтверждается двумя идущими один за другим стихами: *té aruṇébhir váram ā́ piśáṅgaiḥ śubhé káṃ yānti rathatū́rbhir áśvaiḥ | rukmó ná citráḥ svádhitīvān pavyā́ ráthasya jaṅghananta bhū́ma || śriyé káṃ vo ádhi tanū́ṣu vā́śīr* «В свое удовольствие они ездят на алых, золотистых конях, обгоняющих колесницы – для блеска. | Сверкает, как золотая пластинка, с топорами (*svádhitīvān*). Они прибивают землю ободом колесницы. || Для блеска – топоры (*vā́śīr*) на ваших телах» (I.88.2–3). Далее в описании Пушана: *híraṇyavāśīmattama* «О лучший из носителей золотого топора!» (I.42.6) Этот же атрибут приписывается Брихаспати: *híraṇyavāśīr bṛ́haspátiḥ* «с золотым топором… Брихаспати» (VII.97.7). Об Индре: *índraḥ prā́cī vā́śīva* «Индра… он как направленный вперед топор» (VIII.12.12). Об Агни: *yádī ghṛtébhir ā́huto vā́śīm agnír bhárata úc ca áva ca* «Если он полит потоками жира, то Агни взмахивает топором и опускает» (VIII.19.23); *agníṃ vā́śīmantam* «к Агни, несущему топор» (X.20.6). В самой поздней мандале РВ содержится следующий призыв: *vā́śībhis takṣata aśmanmáyībhiḥ* «Вытесывайте каменными топорами!» (X.101.10). Здесь наряду с тем, что упоминаемые орудия именуются каменными, мы опять имеем описывающий плотницкое дело глагол (*takṣata*). Интересно, что и в АВШ данное слово принадлежит к той же сфере жизнедеятельности: *yát tvā śikváḥ parā́vadʰīt tákṣā hástena vā́syā* «Если тебя умелый плотник повредил рукою с ножом» (X.6.3). Таким образом, значение «меч» для термина vā́śī в РВ и АВШ маловероятно. А. Э. Макдонэл и А. Б. Кит указывают, что *vā́śī* является одним из обозначений топора (Macdonell, Keith, 1912a, p. 61).

Но проверим, как интерпретируют этот термин другие авторитетные переводчики РВ. Г. Грассманн понимает *vā́śī* как «топоры» (Beile, Äxte) в своем переводе стихов РВ I.37.2; I.42.6; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2; VII.97.7; VIII.7.32; VIII.12.12; VIII.19.23; VIII.29.3; X.20.6; X.53.10; X.101.10 (Rig-Veda, 1876, s. 204, 208, 375, 404, 411, 425, 442; Rig-Veda, 1877, s. 40, 45, 88, 308, 384, 444, 473). Ф. М. Мюллер трактует *vā́śī* как «кинжалы» (*daggers*) при переводе стихов из гимнов к Марутам I.37.2; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2 и VIII.7.32 (Vedic, 1891, p. 63, 71, 159, 169, 319, 340, 392). К. Ф. Гельднер в своем переводе РВ передает *vā́çī-* как «топоры/секиры» (Beile, Äxte) в стихах I.37.2; I.42.6; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2; VII.97.7; VIII.7.32; VIII.12.12; VIII.19.23; X.20.6; X.53.10 (Geldner, 1951a, s. 46, 52, 112, 113; Geldner, 1951б, s. 59, 64, 267, 301, 308, 321; Geldner, 1951в, s. 156, 216) и как «ножи/резцы» (Messern) в стихах VIII.29.3; X.101.10 (Geldner, 1951б, s. 340; Geldner, 1951в, s. 316). С. В. Джэмисон и Дж. П. Бреретон повсюду в РВ интерпретируют термин *vā́çī* как «топоры» (axes) (I.37.2; I.42.6; I.87.6; I.88.3; V.53.4; V.57.2; VII.97.7; VIII.7.32; VIII.12.12; VIII.19.23; VIII.29.3; X.20.6; X.53.10; X.101.10) (The Rigveda, 2014, p. 145, 151, 219–220, 730, 736, 1006, 1043, 1052, 1067, 1090, 1403, 1462, 1561).

В переводе АВШ Т. Я. Елизаренковой обозначающее меч или клинок слово встречается только один раз: *yé bāhávo yā́ íṣavo dʰánvanāṃ vīryā̀ṇi ca / así́n paraśū́n ā́yudʰaṃ cittākūtáṃ ca yád dʰṛ́dí* «Какие руки, какие стрелы и силы мужества луков, / мечи, топоры, оружие и какое представление-и-замысел на сердце» (XI.9.1).

В этом стихе употреблено слово *asín*, которое может означать как «мечи», так и «ножи». Но именно второе понимание подкрепляется другим случаем употребления данного термина в источнике: *ánucʰya śyāména tvácam etā́m viśastar yatʰāparv àsínā mā́bʰí maṃstʰāḥ / mā́bʰí druhaḥ paruśáḥ kalpayainaṃ tr̥tī́ye nā́ke ádʰi ví śrayainam* //4// «Разрежь черным эту шкуру, заклатель, ножом (*àsínā*) сустав за суставом! Не злоумышляй! / Не будь враждебен! Разделывай его на части! На третьем небосводе раздели его!» (IX.5.4) Здесь, как и в РВ (см. выше), описывается жертвенный нож (*àsínā*) для разделки туши животного.

Таким образом, арии РВ и АВШ не знали металлических (медных или бронзовых) мечей. Это наблюдение позволяет нам сделать два вывода – хронологический и географический.

Хронологический вывод состоит в том, что создание РВ и АВШ в их ареалах на северо-западе Индостана следует относить ко времени ранее появления медных или бронзовых мечей в этом регионе.

А именно, создателям цивилизации Зрелой Хараппы, чей ареал совпадает с ригведийским и атхарваведийским, короткие мечи были известны, по меньшей мере, с начала II тыс. до н.э.

Во время раскопок в Мохенджодаро на Инде в 1930–1931 гг. были найдены два двусторонних клинка из меди, чьи длина, тяжесть и четкая форма заставляли видеть в них мечи или кинжалы. Первый длиной 15,75 дюймов (или 40,01 см) являлся частью клада медных и бронзовых предметов и сосудов под полом помещения периода Поздний Ib. В месте соединения прямоугольного хвостовика и ромбовидного в сечении клинка имелись два отверстия для заклепок. Затупленность краев и кончика, наряду с хорошей сохранностью, свидетельствовали о недоделанности этого оружия. Вторая находка длиной 18,5 дюймов (или 46,99 см) и весом 673 *г* тоже имела два отверстия для заклепок в месте соединения клинка с ребром жесткости и хвостовика в форме остроугольного равнобедренного треугольника. Острие было закруглено. Также было найдено обломанное окончание незаконченного меча из меди длиной 3,2 дюйма (или 8,13 см) с намеченным ребром жесткости (Mackay, 1937, pl. CXIII, 3; CXVIII, 9; CXIX, 9; CXX, 17; CXXVIII, 5; CXXXI, 19; Mackay, 1938, p. 466–467).

В фотокаталоге Национального музея в Нью-Дели имеется фотография обоюдоострого медного меча длиной 47 см из Мохенджодаро, имеющего покатые плечики, посередине клинка ребро жесткости и два отверстия у его основания для насадки рукояти на хвостовик в форме остроугольного равнобедренного треугольника (рис. 1). В том же музее выставлена фотография во всем остальном аналогичного (но меньшего по размеру и с более массивным хвостовиком вытянутой прямоугольной формы) медного меча с обломанным концом из того же Мохенджодаро длиной 37 см (рис. 2).

Говоря именно об этих предметах, М. Уилер указывает: «…изредка клинок снабжен небольшим утолщением посередине, эта часть имеет форму алмаза... Такие укрепленные

Рис. 1. Клинок из Мохенджодаро
(ок. 2000–1900 до н.э.; Пакистан, провинция Синд).
По: http://www.museumsofindia.gov.in/repository/record/nat_del-dk-12682-2509-28669

Рис. 2. Клинок из Мохенджодаро
(ок. 2000–1900 до н.э.; Пакистан, провинция Синд).
По: http://www.museumsofindia.gov.in/repository/record/nat_del-dk-10781-f-2510-28587

клинки составляют в длину до 18.5 дюймов [=47 см] и могут, скорее, представлять [собой] короткие мечи или кинжалы, разновидность оружия, которому нет иных свидетельств. Они из поздних слоев и имеют параллели примерно 2200–1750 до н.э. в Сирии и Палестине» (Wheeler, 1968, p. 73). Также подразумевая именно эти находки, Дж.П. Мэллори и Д.К. Адамс пишут: «Фактически, хараппская культура дала несколько медных предметов вооружения с клинками длиной более 40 см, некая форма меча уже могла существовать в Индии третьего тысячелетия» (Encyclopedia, 1997, p. 562). Говоря о тех же предметах, Э. Корк отмечает: «Их короткий, непроклепанный хвостовик указывает, что они, скорее всего, были колющим, чем режущим оружием, так как соединение между клинком и ручкой не могло быть особенно прочным для клинков такого размера, чтобы выдержать боковой удар; но окончания также довольно закругленные. Только для одного из мечей указывается происхождение: часть клада медных инструментов и сосудов в ‘Позднем периоде 1b’… Другие предметы в этом кладе (Mackay, 1938, pl. X:e) соответствуют стандартному репертуару металлообработки Зрелой Хараппы» (Cork, 2006, p. 130). Следует отметить, что слой Позднего 1b периода в Мохенджодаро датируется временем после 2000 и до 1900 до н.э. (Mosher, 2017, p. 53–54).

Около 1900 до н.э. значительная часть хараппцев покинула долины Инда и Сарасвати и ушла в верховья Сарасвати и являвшийся частью еще ригведийского ареала Доаб (Двуречье) Ганги и Ямуны.

Именно там, на территории современных штатов Пенджаб, Раджастхан, Харьяна и Уттар-Прадеш, бок о бок с поселениями Зрелой и Поздней Хараппы (и даже кое-где на одних и тех же поселениях) в середине III – первой половине II тыс. до н.э. находился очаг распространения археологической культуры охряной керамики, оставившей клады медных предметов, среди которых характерными являются обоюдоострые мечи длиной от 40 до 75 см с продольным ребром жесткости и хвостовиком с раздвоенными антенновидными «отростками» на конце; другим характерным оружием этой культуры были обоюдоострые мечи с ребром жесткости и хвостовиком с крюком (Wheeler, 1959, p. 118–127; Wheeler, 1966, p. 93–96; Lamberg-Karlovsky, 1967, p. 155–160; Agrawal, 1969, p. 113–119; Deva, 1969, p. 75–79; Lal, 1969, p. 83–94; Gaur, 1969, p. 95–100; Gaur, 1974, p. 53–62; Ghosh, 1990, p. 91–94, 325, 351–352; Kumar, 1991, p. 379–392; Yule, 1997, p. 22–32; Al-Jafri, 1998, p. 20–23, 174–184; McIntosh, 2008, p. 100, 406; Ansari, 2009, p. 1–57, 60–130, 134–172; Nair, 2012, p. 1161–1171; Sontakke, Sontakke, 2013, p. 461; Chakrabarti, 2014, p. 444; Ahmed, 2015, p. 166–174; Al Jafri, 2017, p. 81–87; Kumar, 2017, p. 63–64, 73–74, 83–247, 361–363, 374–376).

Укажем известные нам находки медных мечей из области в среднем течении Ямуны и Ганги, поскольку эти реки упоминаются еще в РВ.

В Фатехгархе в Доабе на южном берегу Ганги (район Фаррухабад, Уттар-Прадеш) было найдено тринадцать отлитых из меди обоюдоо-

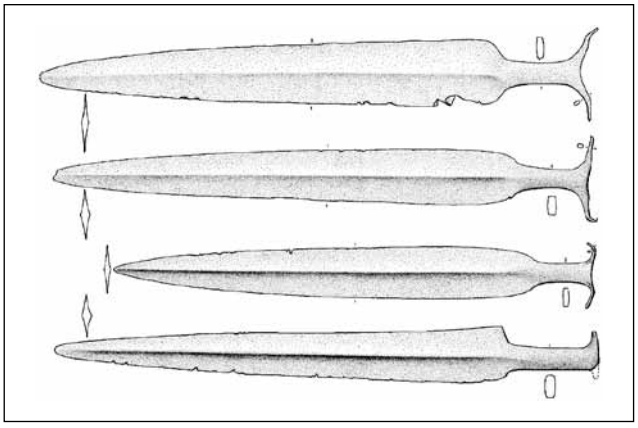


Рис. 3. Клинки из Фатехгарха
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, Доаб, южный берег Ганги, район Фаррухабад, Уттар-Прадеш).
По: Yule, 1985, pl. 14

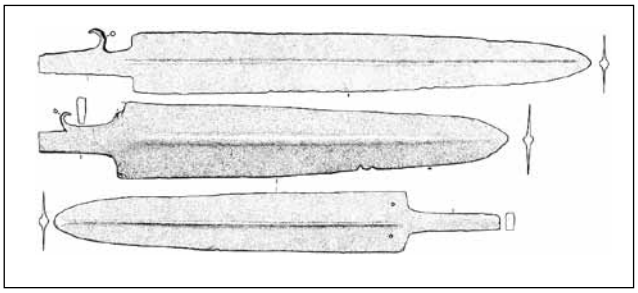


Рис. 4. Клинки из Саипаи
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия,18 км к северу от ж/д станции Этава, район Этава, Уттар-Прадеш).
По: Yule, 1989, p. 203, 242

стрых мечей с незначительными ребрами жесткости с ромбовидными в сечении клинками и прямоугольными в сечении ручками. Самую большую группу составляют девять мечей длиной до 68–78 см с короткими антенновидными «отростками» на конце хвостовика весом более 1–2 кг. Один меч длиной 44 см имеет длинные антенновидные «отростки». Хвостовик еще одного меча длиной 76 см оканчивается клювовидным «отростком» только с одной стороны (Smith, 1905, pl. III; Wheeler, 1959, p. 119; Wheeler, 1966, p. 95; Lamberg-Karlovsky, 1967, p. 157–159; Allchin, 1979, p. 112; Yule, 1985; Ghosh, 1990, p. 92, 351; Yule, 1997, p. 29) (рис. 3).

В Саипаи (в 18 км к северу от железнодорожной станции Этава, район Этава, Уттар-Прадеш) были обнаружены два литых меча длиной 57 и 67,1 см из меди со снабженными крюками рукоятями, а также меч длиной 54,2 см с хвостовиком и двумя отверстиями для заклепок под плечиками (Yule, 1989, p. 203, 242; Al-Jafri, 1998, p. 145; Ahmed, 2015, p. 195) (рис. 4).

Из Шахабада (дистрикт Хардои, Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги) происходят семь мечей. Один меч свернут в кольцо, имеет покатые плечики и хвостовик с короткими, перпендикулярными лезвию антенновидными «отростками» (National Museum Delhi (85.173)). Второй меч состоит из двух фрагментов длиной по 17,3 и 11,4 см и весом 164 и 70 г, клинок поврежден, имеет линзовидное в сечении ребро жесткости и покатые плечики, кончик отсутствует, хвостовик заканчивается короткой «антенной» (National Museum, Delhi (85.175)). Третий меч длиной 40,9 см и весом 314 г имеет согнутый клинок с овальным в сечении ребром жесткости, одно покатое и одно выраженное плечико и хвостовик с короткой «антенной» (National Museum, Delhi (85.172)). Четвертый меч длиной 52,8 см и весом 1142 г состоит из четырех фрагментов, один «отросток» «антенны» отломан, клинок имеет выраженные плечики и ребро жесткости, линзовидное в сечении ближе к основанию и ромбовидное ближе к кончику (National Museum, Delhi (85.171)) (Yule, 1989, p. 203, 205–206 & 247) (рис. 5). Пятый меч длиной 56,9 см состоит из трех фрагментов. Его клинок имеет ромбовидное в сечении ребро жесткости и покатые плечики, хвостовик обломан (National Museum, Delhi (75.152)) (Yule, 1985, p. 91; pl. 96,1045) (рис. 6). Шестой меч длиной 47 см имеет загнутый к клинку кончик. На хвостовике один антенновидный «отросток» отломан, а второй отогнут вниз и назад. Клинок имеет ромбовидное в сечении ребро жесткости, одно плечико деформировано. У его основания имеются два отверстия для заклепок (National Museum, Delhi, (1966.28)). У седьмого меча сохранившийся длиной 25 см клинок имеет ромбическое в сечении ребро жесткости и загнутый кончик. Основание клинка и хвостовик утрачены (National Museum, Delhi) (Yule, 1985, p. 93; pl. 99,1064–1065) (рис. 7).

Из Битхура (район Канпур, Уттар-Прадеш, правый берег Ганги) происходит меч длиной 36,5 см и весом 226 г, разломанный на три фрагмента. Его клинок имеет покатые плечики и ребро жесткости, линзовидное в сечении ближе к основанию и ромбовидное в сечении ближе к кончику. Один из двух антенновидных «отростков» наполовину обломан (Museum of the Varanaseya Sanskrit

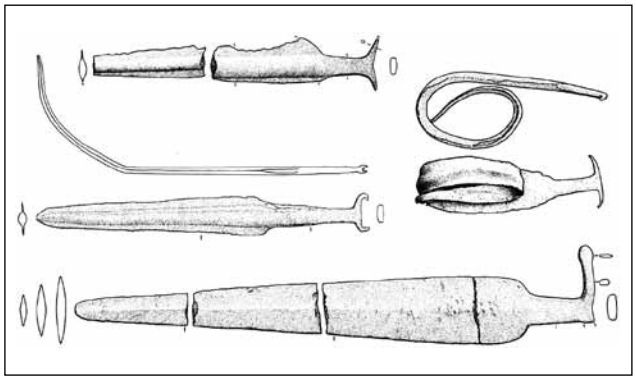


Рис. 5. Клинки из Шахабада
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, дистрикт Хардои, Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги).
Национальный музей, Дели (инв.№ 85.171–173, 175).
По: Yule, 1989, p. 203, 205–206, 247

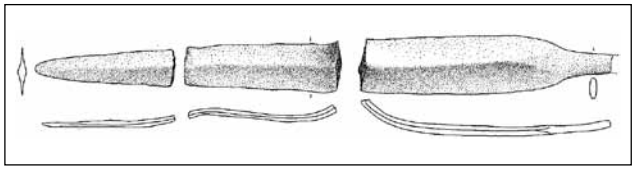


Рис. 6. Клинок из Шахабада
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Хардои, Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги). Национальный музей, Дели (инв. № 75.152).
По: Yule, 1985, p. 91, pl. 96,1045

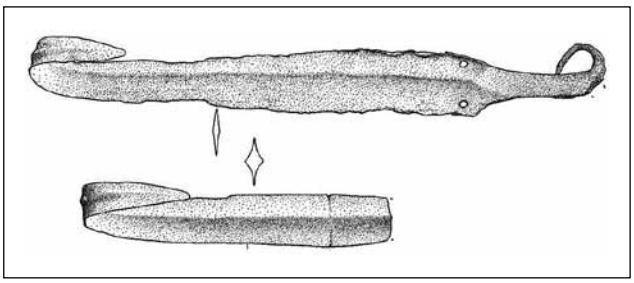


Рис. 7. Клинки из Шахабада
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Хардои, Уттар-Прадеш, к востоку от Ганги). Национальный музей, Дели (инв.№ 1966.28 и без номера).
По: Yule, 1985, p. 93, pl. 99,1064–1065

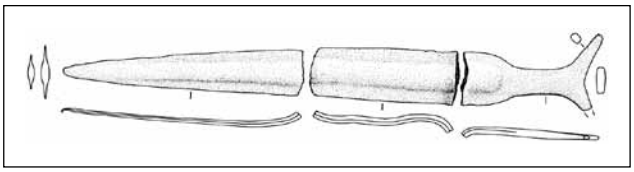


Рис. 8. Клинок из Битхура
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Канпур, Уттар-Прадеш, правый берег Ганги). Музей Варанасея Санскрит Висвавидялая (инв.№ 67.19).
По: Yule, 1989, p. 201–202, 240

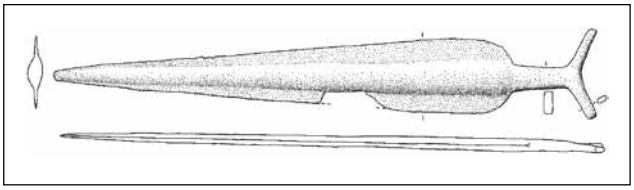


Рис. 9. Клинок из Битхура
(ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Канпур, Уттар-Прадеш, правый берег Ганги). Кэмбридж, Университетский музей археологии и антропологии (инв. № 1930.1611).
По: Yule, 1985, p. 91 & pl. 96,1049

Visvavidyalaya, 67.19) (Yule, 1989, p. 201–202, 240) (рис. 8). Еще один меч из Битхура длиной 40,5 см и весом 459 г имеет покатые плечики, клинок с линзовидным в сечении ребром жесткости со значительной утратой с одной стороны и хвостовик с антенновидными «отростками» (University Museum of Archaeology and Anthropology, Cambridge (1930.1611)) (Yule, 1985, p. 91; pl. 96,1049) (рис. 9).

Из Бахариа (район Шахджаханпур, Уттар-Прадеш) происходит меч длиной 51,7 см и весом 1005 г. Его клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости имеет у основания прикрывающие рукоять с двух сторон «отростки», один из которых обломан. Хвостовик заканчивается загнутым в сторону клинка «отростком» (Kausambi Museum, Allahabad) (Yule, 1985, p. 37–38, pl. 10,236) (рис. 10). Еще один короткий меч такого же типа, но с небольшими утратами на клинке, происходит из Шахджаханпура (Kumar, 2017, p. 217, fig. 216).

Из Морадабада (северо-запад Уттар-Прадеша, берег левого притока Ганги р. Рамганги) происходит меч длиной 38,5 см и весом 295 г. Он имеет клинок с линзовидным в сечении ребром жесткости и хвостовик с довольно длинными антенновидными «отростками» (Yule, 1985, p. 91, pl. 97,1050) (рис. 11).

Из Барейли (Уттар-Прадеш) на берегу Рамганги происходят сломанный надвое и с утраченным кончиком обоюдоострый меч с покатыми плечиками, ребром жесткости и хвостовиком с едва намеченной «антенной» на конце и еще один тоже по видимости сломанный надвое и с утраченным кончиком более длинный и узкий обоюдоострый меч без плечиков, с ребром жесткости и хвостовиком с ярко выраженным раздвоенным антенновидным «отростком», одна из «ветвей» которого загнута внутрь полукругом, а вторая обломана (Kumar, 2017, p. 217, fig. 218; p. 218, fig. 220).

Территория распространения подобных мечей простиралась от восточного берега Ганги в ее среднем течении на запад вглубь совр. штата Харьяна – ядра ареала ригведийских ариев (см. выше).

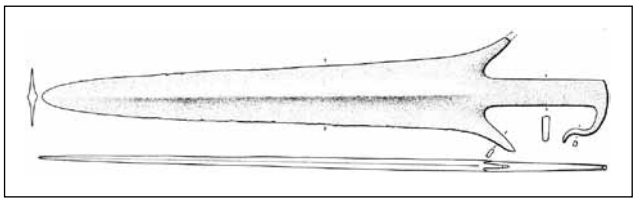


Рис. 10. Клинок из Бахариа (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Шахджаханпур, Уттар-Прадеш). Музей Каусамби, Аллахабад. По: Yule, 1985, p. 37–38, pl. 10,236

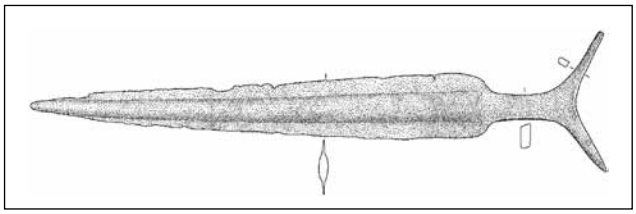


Рис. 11. Клинок из Морадабада (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, северо-запад Уттар-Прадеша, берег левого притока Ганги р. Рамганги). По: Yule, 1985, p. 91, pl. 97,1050

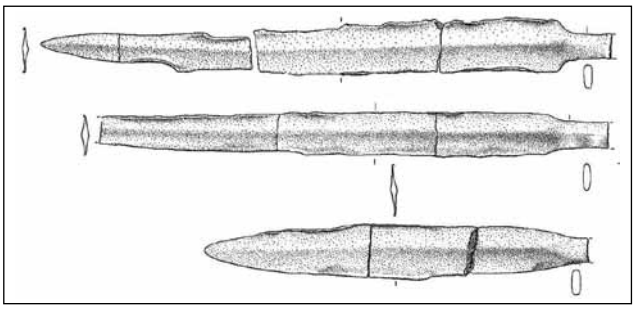


Рис. 12. Клинки из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 191–193). По: Yule, 1985, p. 91, pl. 96,1046–1048

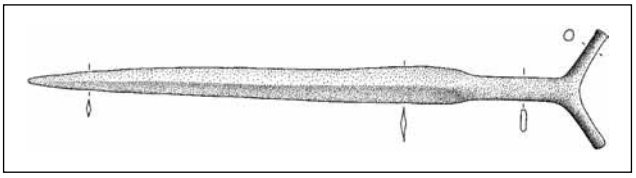


Рис. 13. Клинок из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 27). По: Yule, 1985, p. 92, pl. 98,1059

Так, большая группа мечей была найдена в Ревари (дистрикт Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели) и сейчас хранится в Kanya Gurukul Museum Narela (Yule, 1985, p. 91–93, pl. 96,1046–1048; 98,1059; 99,1068–1069; 100,1070–1075).

Три меча из Ревари (инв.ном. 191–193) принадлежат к одному типу (рис. 12). Первый меч из четырех фрагментов общей длиной 41,9 см и весом 300 г с плечиками имеет ромбовидное в сечении ребро жесткости и обломанный хвостовик. Второй меч из трех фрагментов общей длиной 37,7 см и весом 300 г с обломанными хвостовиком и кончиком клинка с ромбовидным в сечении ребром жесткости почти не имеет плечиков. Третий короткий меч из трех фрагментов общей длиной 28,4 см и весом 250 г имеет клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости и почти полностью отломанный хвостовик. Еще один меч другого типа (инв. ном. 27) (рис. 13) имеет длину 41,7 см и вес 240 г, узкий клинок почти без плечиков с ромбовидным в сечении ребром жесткости и заканчивающийся довольно длинными антенновидными «отростками» хвостовик. Пятый меч (инв. ном. 28) длиной 34,2 см и весом 305 г с отломанным кончиком имеет клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости, идущие почти перпендикулярно лезвиям плечики и длинный хвостовик с двумя отверстиями для заклепок на нем ближе к основанию клинка. Шестой короткий меч длиной 33,9 см и весом 500 г представляет собою оружие колющего типа с очень узким квадратным в сечении клинком почти без плечиков и хвостовиком с двумя отверстиями для заклепок на нем (рис. 14). Седьмой меч (инв.ном. 190) состоит из четырех фрагментов клинка общей длиной 41,8 см и весом 370 *г*, с ромбовидным в сечении ребром жесткости; хвостовик и примыкающее к нему основание клинка утрачены. От восьмого, девятого и десятого мечей (инв. ном. 194–196) сохранились только по два фрагмента от клинков общей длиной 19,7 см, 19 см и 19,7 см соответственно и весом 115 *г*, 120 *г* и 125 *г* соответственно; а у восьмого меча еще и отломан кончик; все три клинка имеют ромбовидное в сечении ребро жесткости. Еще хуже сохранился одиннадцатый меч (инв. ном. 200) – это, по сути, подвергшийся вторичной обработке небольшой фрагмент клинка длиной 6,2 см и весом 50 *г* с ромбовидным в сечении ребром жесткости. Зато совершенно замечателен двенадцатый меч из Ревари (инв. ном. 270) длиной 33,1 см и весом 1000 *г*. Он имеет клинок в форме «елочки» с тремя острыми, направленными вниз выступами с каждой стороны (один средний обломан, второй средний на другой стороне погнут) и ромбовидное в сечении ребро жесткости. Хвостовик заканчивается клювовидным выступом с одной стороны (рис. 15).

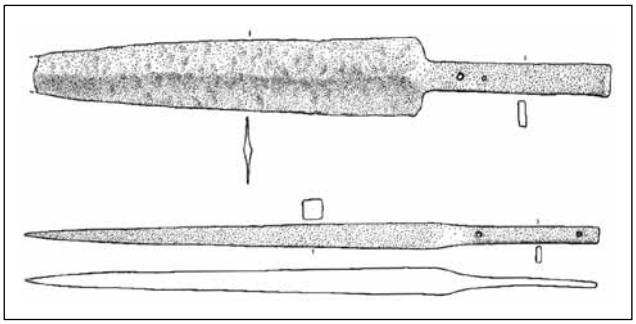


Рис. 14. Клинки из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 28 и без номера). По: Yule, 1985, p. 93 & pl. 99,1068–1069

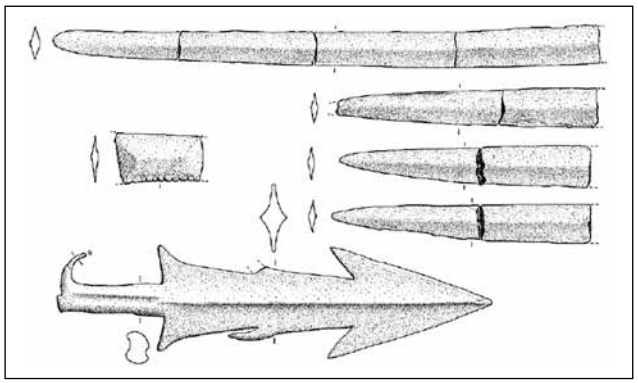


Рис. 15. Клинки из Ревари (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Махендрагарх, Харьяна, в 82 км к юго-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 190, 194–196, 200, 270). По: Yule, 1985, p. 93, pl. 100,1070–1075

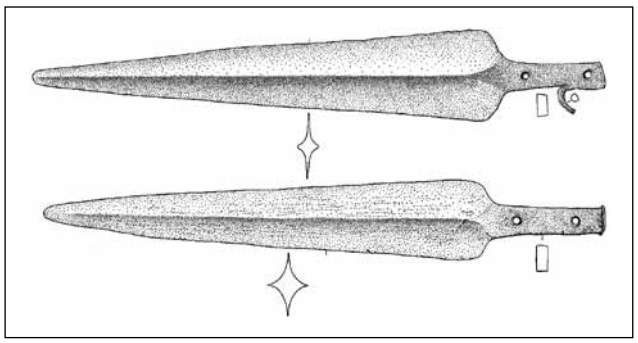


Рис. 16. Клинки из Ханси (ок. 2000–1500 до н.э.; Индия, район Хисар, Харьяна, в нескольких десятках км к северо-западу от Дели). Канья Гурукул музей Нарела (инв. № 37–38). По: Yule, 1985, p. 93, pl. 99,1062–1063

Еще два меча происходят из Ханси (район Хисар, Харьяна, в нескольких десятках километров к северо-западу от Дели) (Yule, 1985, p. 93, pl. 99,1062–1063) и сейчас хранятся в Kanya Gurukul Museum Narela (рис. 16). Первый меч (инв. ном. 37) длиной 44,3 см и весом 900 г имеет клинок с ромбовидным в сечении ребром жесткости, четко оформленные плечики и хвостовик с двумя отверстиями для заклепок и крюковидным выступом посередине с одной из сторон. Второй меч (инв. ном. 38) длиной 43,6 см и весом 1365 г во всем повторяет формы предыдущего, но только у него крюковидный выступ на хвостовике отсутствует.

На хараппском кладбище Санаули (Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны), созданном в переходный между Зрелой и Поздней Хараппой период (2100–1800 до н.э.), во время раскопок 2005–2006 гг. были найдены два медных меча с антенновидными хвостовиками. Один меч длиной 43 см с обоюдоострыми лезвиями, с ребром жесткости и коротким хвостовиком с очень длинными антенновидными «отростками» был случайно выкопан крестьянином (рис. 17). Другой длиной 49,3 см с обоюдоострым клинком, с

Рис. 17. Клинок из Санаули (переход от Зрелой к Поздней Хараппе, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Singh, 2015, p. 71, pl. 2.62

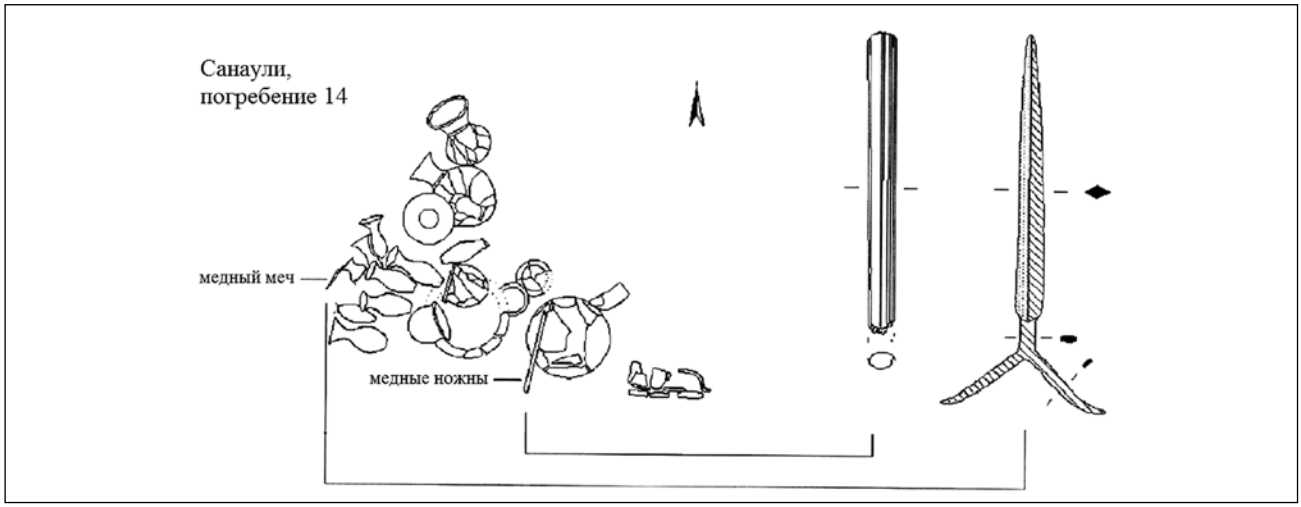


Рис. 18. Клинок и ножны из Санаули *in situ* (переход от Зрелой к Поздней Хараппе, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Sharma et al, 2006, p. 168, fig. 4

Рис. 19. Клинок и ножны из Санаули in situ (переход от Зрелой к Поздней Хараппе, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Prabhakar, 2014, p. 165

Рис. 20. Клинок и ножны из Санаули (переход от Зрелой к Поздней Хараппе, 2100–1800 до н.э.; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2005–2006 гг.). По: Singh, 2015, p. 71, pl. 2.61

ромбовидным в сечении ребром жесткости и с коротким хвостовиком с длинными антенновидными «отростками» был помещен в символическую могилу без скелета острием вверх, а рядом находились 18 сосудов и две половинки медных ножен длиной 37 см (рис. 18–20) (Sharma et al, 2006, p. 168, 170, 177, pl. 8 и цв.вкл.; Prabhakar, 2014, p. 164–165; Singh, 2015, p. 70–72; Kumar, 2017, p. 238–239). Раскопки в 2018 г. в 100 м от кладбища Поздней Хараппы привели к вскрытию семи могил культуры охряной керамики или медных кладов с примерной датировкой ок. 2000–1800 до н.э. с остатками деревянных гробов и трех колесниц с медными обкладкой и деталями. Были обнаружены два меча с антенновидными хвостовиками и один символический тонкий меч с антенновидным хвостовиком. Еще один уникальный меч имел гарду и деревянную рукоятку с обмоткой из медной проволоки (рис. 21–22) (Subramanian, 2018).

Итак, мы выяснили, что РВ и АВШ не

Рис. 21. Клинки из Санаули in situ (2000–1800 до н.э., некрополь культуры охряной керамики и медных кладов; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2018 г.). По: Subramanian, 2018

Рис. 22. Клинок из Санаули (2000–1800 до н.э., некрополь культуры охряной керамики и медных кладов; Индия, Западный Уттар-Прадеш, Доаб, в 8 км к востоку от Ямуны, раскопки 2018 г.). По: https://pbs.twimg.com/media/DznT0FwV4AAEmHm?format=jpg&name=4096x4096

могли быть созданы после 2000 до н.э., поскольку с того времени на всей территории от долины Инда до среднего течения Ганги стали использоваться мечи, которые не упоминаются обеими Самхитами, созданными в том ареале. Соответственно, это подтверждает нашу датировку АВШ до 2000 до н.э., т.е. в целом эпохой Зрелой Хараппы, а более архаичной РВ – на несколько столетий ранее АВШ, т.е. примерно до начала Зрелой Хараппы (до 2600 до н.э.).

Аргумент отсутствия меча в РВ и АВШ позволяет исключить из списка прародин индоариев те регионы Древнего Востока, в которых мечи производились и использовались ранее 2000 до н.э. Рассмотрим имеющиеся находки древнейших мечей.

По данным, приводимым Г. Герне на 2007 г., находки древнейших прямых обоюдоострых мечей до 2200 до н.э. в Евразии были совершены только в четырех местах – Арслантепе (Юго-Восточная Анатолия), Тюлинтепе (Юго-Восточная Анатолия), урочище Клады (Северо-Западный Кавказ) и Аладжа-Хююк (Центральная Анатолия). Концом III – началом II тыс. до н.э. датируются более поздние мечи из Библа, Маллии (Крит) и из Закавказья. Всего известно 32 прямых древнейших обоюдоострых меча, из них 10 – из Арслантепе, 1 – из Тюлинтепе, 3 – из Аладжа-Хююк, 3 – из Маллии, 6 – из Библа, еще 4 – из Анатолии (районы Сакчегезю и Хорозтепе, 5 – из Закавказья (курганные могильники) (Gernez, 2007б, p. 441–442).

В погребении 5 кургана №31 урочища Клады (Северо-Западный Кавказ, левый берег р. Фарс к северу от станицы Новосвободная (быв. Царская), Кубанская обл., Майкопский отдел (ныне Майкопский р-н, Республика Адыгея), Россия, 3500–3300 до н.э.) был найден уникальный литой бронзовый меч длиной 63,5 см (длина рукояти – 10,4 см) с ребром жесткости, ромбовидным в сечении клинком и прямоугольным в сечении хвостовиком, согнутый посередине (Мунчаев, 1994, с. 186, 205; Массон, 1997, с. 68, рис. 11, с. 70. Encyclopedia, 1997, p. 562; Бронзовый век, 2013, с. 328) (рис. 23). Также в Майкопском кургане был найден меч из сплава меди с мышьяком длиной 47 см с расширяющимся, полукруглым на конце клинком и двумя заклепками из серебра на рукояти (Мунчаев, 1994, с. 199–200), который в другом месте именуется кинжалом, поскольку указывается другая длина, видимо, в согнутом состоянии – 34,7 см (Бронзовый век, 2013, с. 312).

Девять датируемых по ^{14}C 3095–2905 Cal BC литых обоюдоострых мечей со средней длиной 50 см (от 45,9 см до 62 см) и со средним весом 521,5 г (410 – 960) из сплава меди с 3–6% мышьяка с плоскими рукоятями (из них три с серебряными инкрустациями), с намеченными выгнутыми в сторону хвостовика «перекрестьями», с полукруглыми верхушками и толщиной почти одинаковыми клинками были обнаружены в Юго-Восточной Анатолии в горах Тавра в помещении III в комнате A113 («зал оружия») в дворцово-храмовом комплексе Арслантепе Фазы VIA (Поздний Урук, финал позднего энеолита, ок. 3300–3000 до н.э.) возле совр. Малатьи в Турции (рис. 24). В царской гробнице в слое раннего бронзового века Фазы VIB1 (3000–2900 до н.э.) в том же Арслантепе были найдены еще два литых обоюдоострых меча с хвостовиками без перекрестий и без каких-либо «шишек» на концах из сплава меди и мышьяка, имеющие дату 3085–2900 Cal BC (рис. 25)

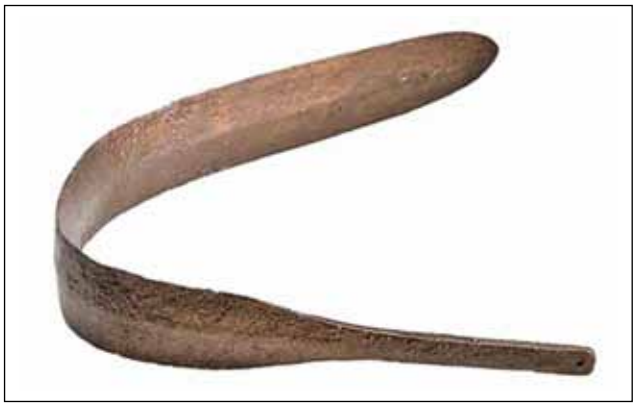


Рис. 23. Клинок из урочища Клады (3500–3300 до н.э.; погребение 5 кургана 31 урочища Клады, Северо-Западный Кавказ, левый берег р. Фарс к северу от станицы Новосвободная (быв. Царская), Кубанская обл., Майкопский отдел (ныне Майкопский р-н, Республика Адыгея), Россия). По: Бронзовый век, 2013, с. 328

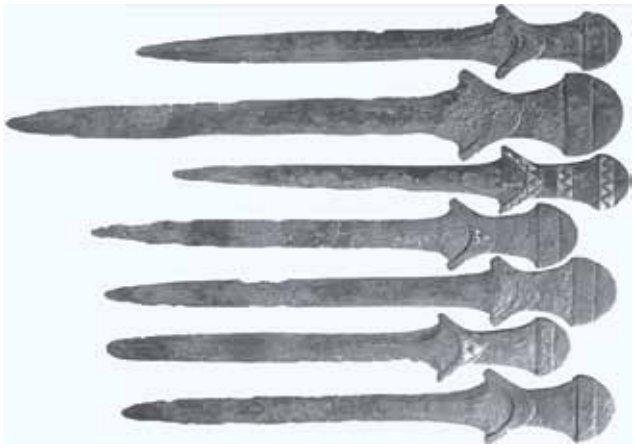


Рис. 24. Клинки из Арслантепе (3095–2905 Cal BC; Турция, Юго-Восточная Анатолия, горы Тавра, помещение III в комнате A113 («зал оружия») дворцово-храмового комплекса Арслантепе Фазы VIA (Поздний Урук, финал позднего халколита) возле совр. Малатьи). По: Frangipane, 2017б, p. 175, fig. 15.2g

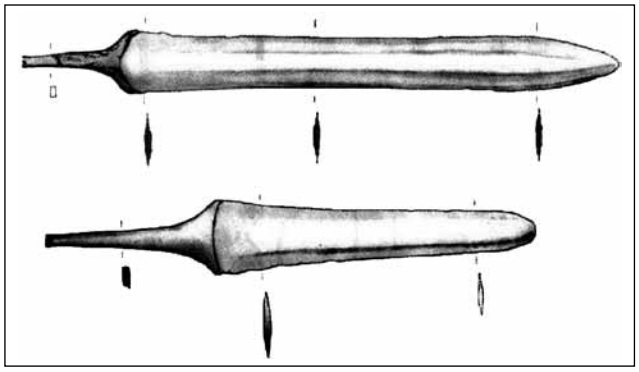


Рис. 25. Клинки из Арслантепе (3085–2900 Cal BC; Турция, Юго-Восточная Анатолия, горы Тавра, царская гробница в слое раннего бронзового века Фазы VIB1 дворцово-храмового комплекса Арслантепе возле совр. Малатьи). По: Di Nocera, 2010, p. 266, fig. XIII.4,19-20

(Palmieri, 1981, p. 104, 107, 109; Palmieri et al, 1998, p. 40; Di Nocera, Palmieri, 1999, p. 180–181, 186–187; Frangipane, 2000, p. 440, 446, 448, 451, 469, 471; Frangipane et al, 2001, p. 106–119, 130–132, 135; Hauptmann et al, 2002, p. 43–47, 51; Barthomeuf, 2004, p. 185; Frangipane et al, 2009, p. 12, 16–18; Di Nocera, 2010, p. 257–259, 261–262, 264–267, 272; Berger, 2012, s. 29–30; Akgül, 2012, p. 105–106; Frangipane, 2014, p. 173, 180; Selover, 2015, p. 206–207, 219, 235–237; Frangipane, 2017a, p. 192, 207; Frangipane, 2017б, p. 175, 177, 180). По некоторым оценкам, второй, более короткий, меч Фазы VIB1 Арслантепе на самом деле является кинжалом, а гробница, в которой они были найдены, датируется автором 3100–2900 до н.э. (Palumbi, 2012, p. 47, 53–55).

Как отмечает Джиан Мария Ди Ночера, «…меч появляется впервые на Ближнем Востоке в Арслантепе: по твердости меча, балансу между клинком и хвостовиком и по изготовлению самого клинка данный меч определенно может быть отнесен к оружию нападения» (Di Nocera, 2010, p. 273).

В 1996 г. музей Токат (Турция) приобрел литой обоюдоострый меч из сплава меди и мышьяка (инв. ном. 044/87, коллекция Нечдет Дилека) длиной 44,1 см и весом 411,5 г с гардой и хвостовиком с навершием и со следами ударов на лезвии, по данным археометрического анализа относящийся к группе клинков из Арслантепе (Zimmermann et al, 2011, s. 1–7) (рис. 26).

В Тюлинтепе в 80 км к северо-востоку от Арслантепе был найден датируемый 3400–2900 до н.э. меч из меди (96%) с примесями мышьяка (2,11%) и никеля (0,70%) длиной 44,6 см и весом 324 г с обломанными кончиком и хвостовиком (Yalçin, Yalçin, 2009, p. 125–127, 129, 137–140) (рис. 27).

Ок. 3000 до н.э. (между 3200–2750 до н.э.)

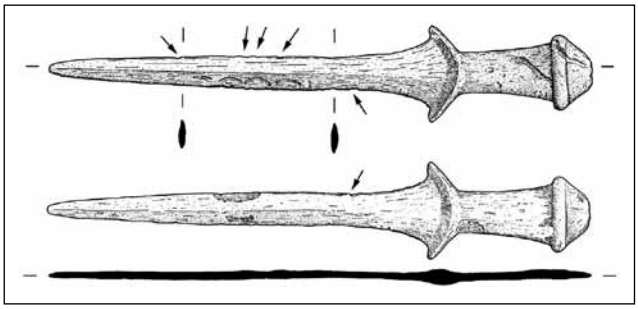


Рис. 26. Клинок из Арслантепе (ок. 3100–2900 до н.э., Турция, Юго-Восточная Анатолия, горы Тавра). Музей Токат (инв. № 044/87, коллекция Нечдет Дилека). По: Zimmermann et al, 2011, s. 1–7

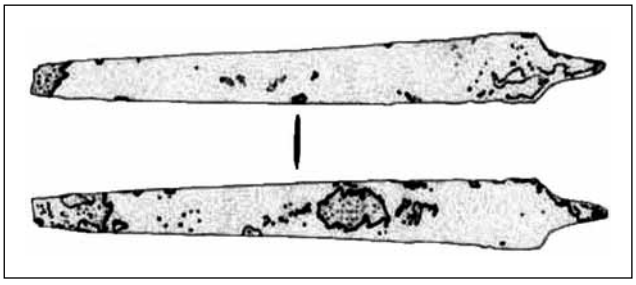


Рис. 27. Клинок из Тюлинтепе (3400–2900 до н.э.; Турция, 80 км к северо-востоку от Арслантепе). По: Yalçin, Yalçin, 2009, p. 139, fig. 3,1

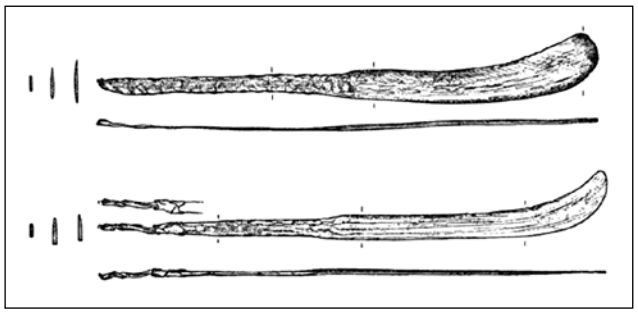


Рис. 28. Секачи из Кфар Монаш (3200–2750 до н.э.; Израиль, клад из Кфар Монаш (поселение в 5 км к востоку от берега Средиземного моря, в 3,3 км к юго-востоку от Телль Хефер (Телл Ибшар) на равнине Шарон или в 9 км к северо-востоку от Нетаньи, в 32 км от Тель-Авива, в 68 км от Иерусалима). По: Hestrin, Tadmor, 1963, p. 278, fig. 10,1-2

Рис. 29. Клинки из Аладжа Хююк (2750–2250 до н.э.; Турция, Центральная Анатолия, Гробницы A1, K и S в Аладжа Хююк). По: Yalçin & Yalçin, 2018, s. 106, Abb. 16

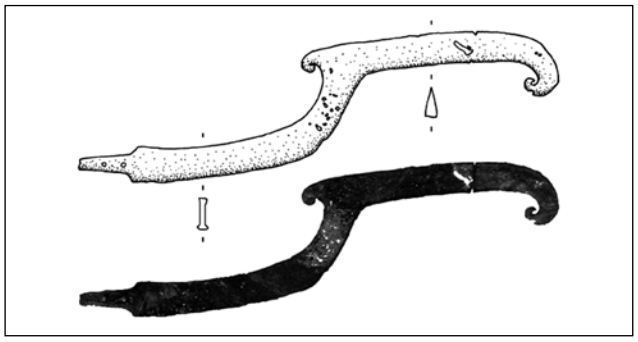


Рис. 30. Клинок из Суз (XXV в. до н.э.; Элам, Иран). По: Massafra, 2012, p. 169

датируется клад из Кфар Монаш (поселение в 5 км к востоку от берега Средиземного моря, в 3,3 км к юго-востоку от Телль Хефер (Телл Ибшар) на равнине Шарон или в 9 км к северо-востоку от Нетаньи, в 32 км от Тель-Авива, в 68 км от Иерусалима, Израиль), частью которого были два своеобразных меча–мачете/тесака из сплава меди с примесями мышьяка и никеля длиной ок. 60 см в виде расширяющихся кверху, несколько изогнутых и закругленных на конце лезвий длиной 31 и 32 см на длинных (30 и 22 см соответственно) плоских хвостовиках; у второго меча также имеется отдельно насаженный дополнительный скрученный хвостовик длиной 7 см; у обоих тесаков вогнутая поверхность лезвия является заостренной (Hestrin, Tadmor, 1963, p. 265, 277–279, 283, 286; pl. 30; ובס, לאכים, Michael Sebbane. 2003, p. 174; Gernez, 2007б, 422 et 593; Hauptmann et al, 2011, p. 65–67) (рис. 28).

Следующими по древности прямыми обоюдоострыми клинками являются бронзовые мечи из Центральной Анатолии из гробниц A1, K и S в Аладжа Хююк (вторая – третья четверти III тыс. до н.э.) с обоюдоострым уплощенно-линзовидным в сечении клинком без ребра жесткости; длина самого большого, фрагментированного меча из гробницы A1 с длинным хвостовиком с отверстием для заклепки на конце составляет 82,4 см, длина сильно фрагментированного меча с обломанным хвостовиком из могилы K составляет 61,6 см, длина меча с хвостовиком из могилы S – 53,5 см (Stronach, 1957, p. 93–94; Sandars, 1961, p. 18–19; Pl. 15, 3–5; Rova, 2015, p. 46–52; Yalçin, Yalçin, 2018, s. 91–94, 96, 99–100, 105–106) (рис. 29).

XXV в. до н.э. А. Массафра датирует серповидный (арфовидный) бронзовый меч из Суз длиной 37 см с двумя завитками (волютами) в месте нижнего изгиба лезвия и на его верхнем конце; острой является только выступающая вперед поверхность клинка; меч имеет хвостовик с тремя отверстиями для заклепок (Müller, 1987, s. 112, 115; Massafra, 2012, p. 119, 169) (рис. 30).

Обоюдоострый меч без хвостовика с ребром жесткости длиной 59 см из с о-ва Аморгос (Киклады) не имеет точной датировки (Branigan, 1968, p. 198). Е. Рова приводит данные об этом и еще одном длинном обоюдоостром мече с Аморгоса без датировки: указанный меч хранится в Копенгагенском музее (инв. ном. 3136) и имеет длинный и тонкий клинок с округлыми плечиками с отверстием для заклепки у основания с каждой стороны; второй, также хранящийся в музее Копенгагена (инв. ном. 3164), – разбитый на три фрагмента меч с утраченным кончиком, сильными повреждениями клинка с ребром жесткости

Рис. 31. Клинок из Бет Дагана (2400–2000 до н.э.; Палестина, ок. 10 км к юго-востоку от Тель-Авива-Яффы) (Британский музей, инв. № 127137). По: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=248344001&objectId=369662&partId=1; https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/11/Copper_sword_from_Beth_Dagan_near_Jaffa_2400-2000_BC.jpg

с обеих сторон, с почти утраченными плечиками, с обломанным хвостовиком, общей сохранившейся длиной 68,5 см (Rova, 2015, p. 186–187, 267). Ранний бронзовый век на Кикладах датируется 2500–2100 до н.э. К. Ренфрю, который приводит данные о найденных на том же Аморгосе трех коротких и с сильно поврежденными клинками мечах: один длиной 33,2 см с ребром жесткости и одним сохранившимся отверстием для заклепки, другой в виде двух фрагментов с ребром жесткости и сохранившейся длиной в 36 см и третий также из двух фрагментов с ребром жесткости и сохранившейся длиной в 25,6 см (Renfrew, 1967, p. 4, 20, pl. 5, 70–71; pl. 8, 69–71).

III тыс. до н.э. датируется фрагментированный обломок бронзового меча с ребром жесткости (con nervatura centrale) длиной 45 см с о-ва Левкас в Ионическом море (некрополь Стено, Nidhri tomba R7) (Rova, 2015, p. 183, 245, 267).

В электронной коллекции Британского музея содержится фотография датируемого 2400–2000 до н.э. меча общей длиной 106,5 см из сплава меди с мышьяком (музейный номер 127137), происходящего из Бет Дагана (Палестина) (рис. 31). Этот меч имеет четко выраженное ребро жесткости, идущее от заостренного конца ромбического в сечении клинка до конца вытянуто-трапециевидного, сужающегося от клинка в противоположную сторону хвостовика, едва намеченные плечики и расположенные вдоль обеих сторон хвостовика отверстия для заклепок (с одной стороны – видно не менее шести, с другой – не менее пяти (включая поврежденные)). Изначально хвостовик меча длиной 12 см имел 12 отверстий для заклепок диаметром 0,3 см – по шесть с каждой стороны (Shalev, 1988, p. 304–305). С. Шалев приводит данные по аналогичным (коротким) мечам и кинжалам из Ханаана конца III тыс. до н.э. из сплава меди с мышьяком с идущим от кончика ромбического в сечении клинка до конца хвостовика (с отверстиями для заклепок по обеим сторонам от плечиков и на хвостовике) ребром жесткости. В частности, из Телль эль-Аджджула (окрестности Газы, Палестина) происходят два коротких меча длиной 40,4 см и 42,7 см, соответственно. Не привязаны к конкретной местности более длинные мечи – общей длиной 59,2 см, 57,8 см, 47 см и 42,8 см, соответственно (Shalev, 1988, p. 305–309; Massafra, 2013, p. 117) (рис. 32).

На хранящейся в Лувре аккадской печати из горного хрусталя, датируемой 2350–2200 до н.э. (AO25305), изображен поединок вооруженного длинным кинжалом или коротким мечом бога–скорпиона с противником, в руке которого явно находится именно меч, что определяется по сравнению длины клинка его оружия с длиной его полусогнутой руки от локтя до сжимающего рукоять кулака: клинок

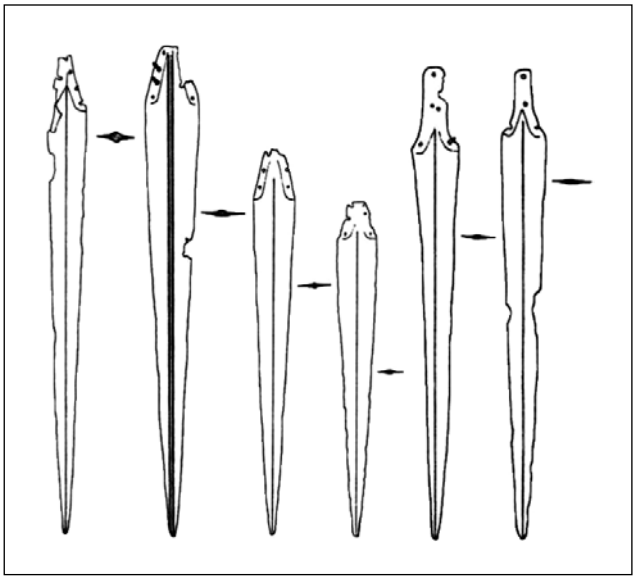


Рис. 32. Клинки из Телль эль-Аджджула (конец III тыс. до н.э.; Палестина, окрестности Газы). По: Shalev, 1988, p. 305, fig. 1

Рис. 33. Цилиндрическая печать из горного хрусталя (2350–2200 до н.э.; Месопотамия, Акад) (Лувр, AO25305); © RMN (Musée du Louvre) / Christian Larrieu. По: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=12085

меча явно длиннее, он показан треугольным и с острым концом (рис. 33).

Около 2200–2100 до н.э. (финал раннего бронзового века по хронологии Центральной Анатолии) было создано кладбище Хорозтепе (центральная часть Северной Анатолии, к востоку от провинции Амасья, к югу от г. Эрба, провинция Токат) (Arcan, 2012, p. 30; Dönmez, 2014, p. 182, 187). 2300–2000 до н.э. датируются три хранящихся в Metropolitan Museum, New York меча из бронзы (рис. 34) (и еще два кинжала) из Анатолии, типологически схожих с кинжалами из Хорозтепе; мечи обоюдоострые, с ребром жесткости и заостренными лезвиями (Muscarella, 1988, p. 397, 407–408). У меча длиной 49,50 см ребро жесткости идет от кончика острия до конца обломанного хвостовика со следами двух отверстий для заклепок (https://www.metmuseum.org/art/collection/search/324455?searchField=All&sortBy=relevance&what=Bronze%7cSwords&ft=*&offset=80&rpp=20&pos=86). У меча длиной 43,79 см ребро жесткости приплюснутое и сужающееся от хвостовика со следом одного отверстия для заклепки на конце к кончику клинка (https://www.metmuseum.org/art/collection/search/324456?searchField=All&sortBy=relevance&what=Bronze%7cSwords&ft=*&offset=60&rpp=20&pos=69). У меча длиной 34,29 см ребро жесткости также идет от кончика клинка до конца хвостовика с одним отверстием для заклепки (источник: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/324457?searchField=All&sortBy=relevance&what=Bronze%7cSwords&ft=*&offset=80&rpp=20&pos=88).

В Лувре хранится датируемый III тыс. до н.э. (более точная датировка и параметры не указываются) бронзовый меч (glaive) из Мари-на-Евфрате (Восточная Сирия) с плечиками, хвостовиком и обломанным кончиком (источник: https://www.photo.rmn.fr/archive/13-598909-2C6NU063TXBA.html) (рис. 35).

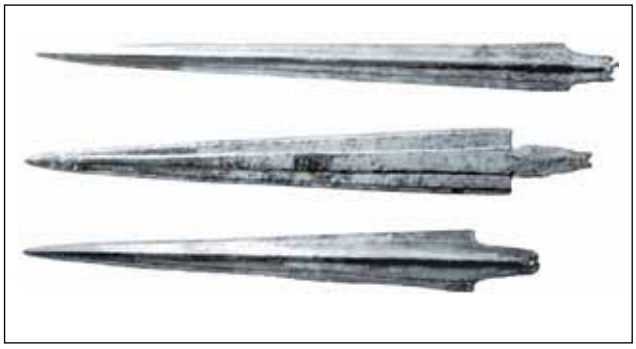


Рис. 34. Клинки (2300–2000 до н.э., Анатолия). (© Metropolitan Museum, New York, инв. № 55.137.16-18). По: https://www.metmuseum.org/art/collection/search#!?q=Hattian%20Sword&perPage=20&offset=0&pageSize=0&sortBy=Relevance&sortOrder=asc&searchField=All

Рис. 35. Клинок из Мари-на-Евфрате. (III тыс. до н.э.; Ирак). (Лувр, AO18428); © Musée du Louvre, Dist. RMN-Grand Palais / Raphaël Chipault. По: https://www.photo.rmn.fr/archive/13-598909-2C6NU063TXBA.html

Г. Герне датирует рубежом III–II тыс. до н.э. или самым концом III тыс. до н.э. серповидные (у него арфовидные) мечи из Телло (Шумер) и Суз (Элам) (Gernez, 2007a, p. 129; Gernez, 2011, p. 330). И. Форстнер-Мюллер датирует серповидные мечи из Телло и Суз 1900–1700 до н.э. (Forstner-Müller, 2008, p. 208).

В Тель Телло (шумерский город Гирсу, провинция Дхи Кар, Ирак, Южная Месопотамия) в погребении 8 были обнаружены два коротких серповидных меча из меди; первый (Лувр, инв.ном. AO4355, фото см.: источник: https://www.photo.rmn.fr/archive/98-018662-2C6NU0XN24SJ.html) длиной 27 см имеет ребро жесткости, ромбовидный в сечении обоюдоострый клинок, завернутый в сторону ручки заостренный книзу конец и хвостовик с двумя заклепками; Г. В. Мюллер датирует его между 2400 и 2000 до н.э. (Müller, 1987, s. 112, 114); второй меч (Лувр, инв. ном. AO4354, фото см.: https://www.photo.rmn.fr/archive/98-018657-2C6NU0XNP46J.html) длиной 41 см имеет более сложный клинок с идущим вдоль него тройным пазом, направленный вниз «отросток» в месте нижнего изгиба, а верхний конец завернут внутрь и вниз в форме завитка (волюты), линзовидная в сечении ручка из меди с конусовидным набалдашником крепится двумя заклепками, заостренной является только выступающая вперед часть клинка (Nouvelles, 1910, p. 128–130 et pl. VIII,4-5; Parrot, 1948, p. 268–269; Müller, 1987, s. 112, 116; Massafra, 2012, p. 167). А. Массафра датирует короткий серповидный меч из Гирсу ок. 2400 до н.э., а более длинный – XVII в. до н.э. (Massafra, 2012, p. 117–118). Она же приводит рисунок датируемого ею XIX в. до н.э. серповидного меча из Суз длиной 49,4 см с хвостовиком с тремя отверстиями для заклепок и двумя завитками (волютами) на клинке в месте его нижнего изгиба и на верхнем конце. Заостренной является только выступающая вперед часть клинка, на котором сохранились ребра жесткости (Müller, 1987, s. 112, 115; Massafra, 2012, p. 120, 169).

Из Центральной и Восточной Анатолии мечи проникают на территорию распространения триалетской археологической культуры (далее ТК) Закавказья среднего бронзового века (далее СБВ), датируемой традиционными методами 2200–1800 до н.э., а по радиоуглероду – 2200–1600 до н.э. Как указывает М.Б. Рысин, «в сфере военного дела в данный период ситуация качественно меняется – появляются новые образцы оружия: … рубящие мечи и колющие мечи-«рапиры»… *Рубяще-колющие мечи*. Первые мечи на Южном Кавказе появились в памятниках «цветущей поры» ТК (Дилича, кург. 1; Садуга, кург. 2). Эти изделия имеют узкий прямоугольный черенок, прямые слегка опущенные плечики и удлиненно-подтреугольный клинок с острым концом; сечение клинка подромбическое. На черенке пробиты отверстия для заклепок, прикрепляющих деревянную рукоятку. Длина меча из Садуги равна 50 см... из Дилича – 47,5 см… Рубяще-колющие мечи с острым концом клинка впервые появляются во второй половине III тыс. до н.э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе и др.) и в Сирии. Рубежом III – II тыс. до н.э. датируются рубяще-колющие мечи из Сакчагезу и Карума Каниша… По наличию черенка, форме и пропорциям клинка, а также по расположению заклепочных отверстий кавказские мечи ближе всего к центральноанатолийскому оружию рубежа III – II тыс. до н.э. Колющие мечи-«рапиры», как и короткие мечи, найдены в элитных погребениях ТК (СБВ), а также в погребениях позднего бронзового века (Талыш, Дагестан и др.)… Бронзовые «рапиры» имели узкий прямоугольный черенок, на конце которого у отдельных экземпляров имеется отверстие для крепления деревянной рукоятки; прямые слегка (или сильно) опущенные плечики; узкий постепенно суживающийся к острому концу клинок с заостренными лезвиями; с обеих сторон вдоль клинка проходит резко выступающее центральное ребро с закругленными краями… Длина «рапир» обычно составляет около 90–100 см… Единственная заклепка на конце черенка… не могла обеспечить надежного соединения рукояток кавказских «рапир», а наиболее древняя эгейская «рапира» из Маллии на Крите периода среднеминойский-II (1800–1700 до н.э.) уже

имела глубоко заходящую на клинок рукоятку с расположением заклепок на черенке и на плечиках… Такая прогрессивная новаторская конструкция обеспечивала более надежное соединение рукоятки меча и его клинка… По форме черенка и плечиков, а также по способу крепления рукоятки кавказские «рапиры» действительно близки местным вариантам мечей из Садуги и Дилича. Однако такая характерная для «рапир» деталь, как выступающее центральное ребро, у кавказских кинжалов и мечей отсутствует… Зато выступающее центральное ребро зафиксировано у оружия второй половины III тыс. до н.э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе…), Палестине (Газа, Гидеон…), Сирии (Библ…) и Киликии (Соли…). Именно анатолийские и сирийские мечи могут послужить прототипами «рапир» Южного Кавказа. По мнению А. Сандарс, первые эгейские «рапиры», появившиеся на Крите, также восходят к ближневосточным прототипам… что подтверждается наличием у «рапиры» выступающего черенка, поскольку для Эгейского региона, в отличие от передневосточного, были характерны *бесчеренковые* формы мечей и кинжалов. Боевое применение колющего меча требовало от ратника длительной регулярной подготовки… Сами приемы фехтования при помощи «рапиры» не могли быть изобретены на Кавказе, где ранее не существовало традиции использования рубящих и колющих мечей. Зато уже со второй половины III тыс. до н.э. эта традиция сложилась к югу и западу от Кавказа – в Сирии, Центральной Анатолии и на Армянском нагорье… Проведенный выше анализ позволяет установить хронологические рамки возможного появления «рапир» на Кавказе. В качестве нижней границы мы принимаем датировку передневосточных мечей с острым концом клинка и с выступающим ребром – XXII–XIX вв. до н.э. Верхней границей… может служить распространение более прогрессивных «рапир» эгейского типа – это XVIII–XVII вв. до н.э.» (Рысин, 2014, с. 172, 179–181, 200, 204, 208, 210; Рысин, 2015, с. 374, 376; см. также: Джапаридзе, 1994, с. 86, 90; Кушнарева, 1994, с. 99, 101, 104; Кушнарева, Рысин, 2001, с. 101–116; Abramišvili, 2001, p. 1–8; Gernez, 2007б, p. 440; Gernez, 2011, p. 333–334; Abramishvili, 2010, p. 170, 172–173; Rova, 2015, p. 53–67) (рис. 36).

Е. Рова датирует XX–XVIII вв. до н.э. бронзовые критские мечи из Маллии (3 штуки) и из пещеры Аркалохори (несколько десятков). В Первом Дворце Маллии был найден меч (сейчас в Heracleion Museum, инв. ном. 2284) длиной 77 см с поврежденным узким клинком с тремя ребрами жесткости (*con tre nervature centrali*), закругленными плечиками, довольно коротким закругленным на конце хвостовиком, двумя отверстиями для заклепок по обеим сторонам клинка довольно далеко от его основания и еще двумя – вдоль хвостовика. На втором мече из Первого Дворца Маллии длиной 72 см с узким, поврежденным и фрагментированным ближе к кончику клинком с двумя ребрами жесткости (*solo due nervature*) и двумя отверстиями для заклепок по обеим сторонам клинка довольно далеко от его основания и еще одним – на обломанном хвостовике. У одного из мечей имеется ручка из бронзы и кости с набалдашником из горного хрусталя и круглой золотой гардой с рельефным изображением акробата. Третий меч из Маллии (сейчас в Heracleion Museum, инв. ном. 2087) длиной 95 см с поврежденным и фрагментированным клинком с ребром жесткости, с четырьмя отверстиями для заклепок на клинке и еще двумя – на хвостовике; у него ручка из обмотанного

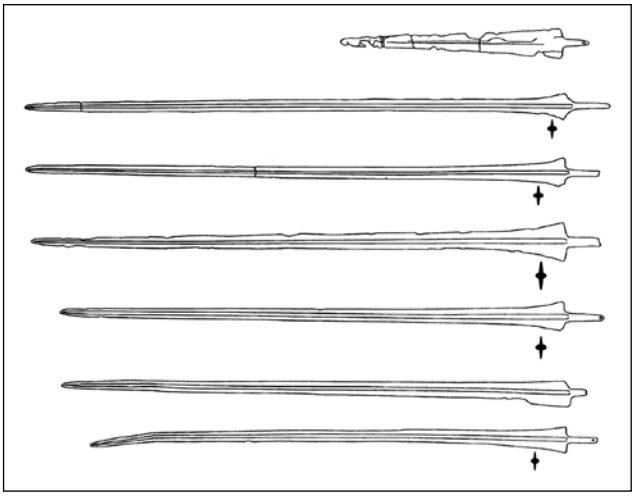


Рис. 36. Рапиры Закавказья (XXII–XVII вв. до н.э.; триалетская археологическая культура среднего бронзового века). По: Abramišvili, 2001, p. 8

золотой фольгой серого камня с набалдашником из горного хрусталя. Один из мечей из пещеры Аркалохори длиной более 1 метра имеет клинок с ребром жесткости, дугообразные плечики и короткий хвостовик без заклепочного отверстия (Rova, 2015, p. 99–104, 265).

Е. Рова датирует XX–XVIII вв. до н.э. 13 бронзовых мечей из могил Круга Б в Микенах. Меч из погребения А (инв.ном. А-250) длиной 96 см с утратами с обеих сторон клинка в нескольких местах имеет ребро жесткости, округлые плечики и короткий обломанный хвостовик. Второй меч из погребения А (инв. ном. А-251) длиной 92,6 см со значительными утратами с обеих сторон лезвий в нескольких местах имеет ребро жесткости, округлые плечики, короткий хвостовик, серебряные заклепки и спиральный узор в верхней части клинка. Третий меч из погребения А (инв.ном. А-252) длиной 98,5 см с незначительными утратами с обеих сторон лезвий в нескольких местах имеет тонкое ребро жесткости, округлые плечики и короткий хвостовик (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/13/ Findings_from_Grave_A_of_Grave_Circle_B_1.JPG). Меч из погребения Г длиной 60 см (инв. ном. Г-263) имеет клинок с ребром жесткости с несколькими серьезными утратами с каждой стороны, угловатые плечики и четыре отверстия для заклепок – три на клинке и одно на хвостовике прямоугольной формы. Второй меч из погребения Г длиной 73,2 см с тонкими ребрами жесткости (*sottile nervatura*) на клинке, с утраченным кончиком и серьезными утратами у основания клинка с одной стороны имеет округлые плечики, короткий хвостовик и серебряные заклепки. Третий сильно поврежденный меч из погребения Г длиной 73 см имеет ребро жесткости, небольшие плечики, большой хвостовик и серебряные заклепки. Четвертый сильно поврежденный меч из погребения Г длиной 73,7 см имеет клинок с ребром жесткости. Меч из погребения Δ (инв. ном. Δ-277) длиной 92,5 см с сильно поврежденным с одной стороны клинком имеет четко выраженные ребра жесткости (*la nervatura centrale*), горизонтальные плечики и ручку, украшенную изображениями двух львов. Меч из погребения Z (инв. ном. Z-289) длиной 90 см имеет узкий клинок с ребром жесткости, округлые плечики и почти отломанный хвостовик. Меч из погребения I (инв. ном. I-291) длиной 80,5 см с изогнутыми плечиками и выраженным ребром жесткости имеет гравировку в виде бабочки, короткий хвостовик, серебряные заклепки и ручку из слоновой кости. Меч из погребения Λ (инв. ном. Λ-295) длиной 94 см имеет клинок с ребром жесткости, изогнутые плечики, спиралевидные украшения в верхней части, короткий обломанный хвостовик и ручку из слоновой кости. Меч из погребения N (инв. ном. N-301) длиной 94 см имеет клинок с серьезными утратами с каждой стороны и ребром жесткости, поврежденные плечики и фактически утраченный хвостовик. Второй меч из погребения N (инв. ном. N-302) длиной 95 см имеет сильно поврежденный с одной стороны у основания клинок с ребром жесткости, плечико с другой стороны и хвостовик утрачены (Rova, 2015, p. 125–131, 133–137, 265; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Findings_ from_Grave_Γ_and_Δ_of_Grave_Circle_B_1.JPG).

Е. Рова датирует XX–XVIII вв. до н.э. еще несколько эгейских бронзовых мечей: это меч из гробницы в Арго (тумулус Е, могила 5) длиной 83,3 см; меч из могилы 3 в Галатас (Восточный Пелопоннес, могила толоса 3) с ребром жесткости на узком клинке, округлыми плечиками и коротким хвостовиком; расколотый на две части меч из окрестностей Фив длиной 87,7 см с обрамленным канавками ребром жесткости, изогнутыми плечиками, хвостовиком и четырьмя заклепками – по одной под каждым плечиком довольно далеко от основания клинка и двумя вдоль короткого хвостовика; меч из царской гробницы на Эгине (инв.ном. 83) длиной 79,2 см с тройным ребром жесткости (nervatura centrale tripartita), пятью заклепками на клинке и ручкой из слоновой кости с тремя золотыми заклепками на хвостовике (Rova, 2015, p. 166–167, 170, 175, 178–179, 266–267).

Датируемый примерно XX–XVIII вв. до н.э. бронзовый меч из Диярбакира (Анатолия, частная коллекция) с обломанным кончиком сохранившейся длиной 109 см имеет едва на-

меченное ребро жесткости и массивную ручку с тремя идущими вдоль нее заклепками, украшенную изображениями двух львов, и посвятительную надпись на староассирийском языке (Rova, 2015. P. 80–82, 265). Г. Герне сообщает, что меч из Диярбакира с выгравированной на одной стороне клинка древнеассирийской надписью ок. 1800 г. до н.э. имеет длину 84 см (видимо, речь идет только о клинке) и вес более 5 кг (Gernez, 2007б, p. 433, 438).

В электронной коллекции Британского музея выставлена фотография статуэтки (музейный номер 105149), датируемой 2000–1750 до н.э., в виде обнаженного мужчины из медного сплава с коротким копьем в левой руке и изогнутым мечом в правой высотой 23,8 см (9,37 дюймов) из Сирии (https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=233046001&objectId=368207&partId=1).

Несколько типологически сходных длинных клинков из Анатолии датируются XX–XVII вв. до н.э.: меч из Ganziantep Museum (инв. ном. 13/06/75) длиной 88 см со скругленными плечиками имеет два отверстия для заклепок поперек основания клинка без ребра жесткости и еще два (одно повреждено) – на обломанном хвостовике; другой меч из того же Gaziantep Museum (инв. ном. 13/07/75) с плечиками и длиной 87,6 см имеет два отверстия для заклепок поперек основания клинка без ребра жесткости и еще два – вдоль хвостовика; бронзовый меч из Чорума (museo di Eskishehir, инв. ном. A 131.74) длиной 55,4 см с «сутулыми», перпендикулярными короткому хвостовику плечиками и с клинком подтреугольной формы с уплощенным, но ярко выраженным ребром жесткости, сужающимся от своего основания к кончику, имеет по одному отверстию для заклепок в каждом плечике и одно – на хвостовике; два сильно поврежденных и фрагментированных бронзовых меча с обломанными концами были найдены при раскопках Старого Дворца в Кюльтепе – один сохранившейся длиной 32,8 см с плечиками и как минимум тремя отверстиями на заклепках с почти полностью обломанным хвостовиком, другой сохранившейся длиной 41,7 см и с как минимум двумя отверстиями для заклепок на обломанном хвостовике (Rova, 2015, p. 69–71, 74–75, 264–265).

XXVII–XX вв. до н.э. датируется хранящийся в Берлинском государственном музее (инв. ном. S3414) бронзовый меч с обломанным клинком с ребром жесткости и с едва намеченными и почти сливающимися с вытянуто-трапециевидным хвостовиком плечиками сохранившейся длиной 31 см; на хвостовике имеются четыре отверстия для заклепок – ближе к клинку два поперек рукояти и затем два вдоль нее (Rova, 2015, p. 72, 264–265).

Широко (XX–XIII вв. до н.э.) датируется обломок фрагментированного и поврежденного бронзового меча длиной 34 см с ребром жесткости с о-ва Левкас в Ионическом море (Nidhri tomba 24, Leucade); в пользу более ранней датировки свидетельствует тот факт, что он был найден вместе с обсидиановым ножом (Rova, 2015, p. 184, 267).

Древнейший настоящий обоюдоострый меч из бронзы в Сиро-Финикии длиной 57 см был найден в Библе в сосуде 2132 в слое, датируемом правлением Аменемхета III (ок. 1860–1814 гг. до н.э.) или Сенусерта III (1878–1839 гг. до н.э.). Он имеет клинок с закругленным в сечении ребром жесткости, два отверстия для заклепок на клинке ниже округлых плечиков и еще одно – на конце короткого хвостовика (Sandars, 1961, p. 20 & pl. 16, 6; Branigan, 1968, p. 196–197; Rova, 2015, p. 88, 265). Г. Герне указывает, что, помимо вышеописанного, в том же контексте были найдены еще четыре более коротких, но в остальном схожих, меча, и датирует их все 2050–1850 гг. до н.э. (Gernez, 2007б, p. 439)

1991–1778 гг. до н.э. датируется инкрустированный электроном меч серповидной формы (хопеш) из сплава меди (79,9%) с оловом (14,4%) длиной 0,452 м из Балата-Сихем (Телль Балата, Шехем) в Палестине (сейчас хранится в Staatl. Museum Ägyptischer Kunst, München, Inv.-Nr. ÄS 2907); заострена только выступающая вперед часть клинка, имеющего в месте нижнего изгиба направленный вниз конец, верхний конец тоже загнут вниз;

по всей длине клинок инкрустирован изображением лотоса с распускающимся бутоном в верхней части (Jaroš, 1976, s. 54–55 und 264; Müller, 1987, s. 9–10, 28–29, 36–49, 81–82, 84; Berger et al, 2010, s. 762–763; Berger, 2012, s. 29–30; Massafra, 2012, p. 131, 177; Talma, 2018).

XIX – началом XVIII вв. до н.э. датируется найденная в Сузах гематитовая цилиндрическая печать из Сирии или Месопотамии старовавилонского периода с изображением среди прочего двух бородатых воинов, один из которых держит серповидный меч в опущенной правой руке, а второй рядом с ним заносит над головой для удара серповидный меч в правой руке, чтобы поразить им противника, на ногу которого наступает левой ногой и руку которого держит левой рукой (The Royal, 1992, p. 112–113).

Примерно 1850 до н.э. А. Массафра датирует инкрустированный золотом и электроном бронзовый серповидный меч из Абидоса длиной 47 см с хвостовиком с двумя заклепками; от несохранившейся ручки осталось металлическое кольцо у основания клинка с еще одной заклепкой и набалдашник; обе стороны клинка инкрустированы от основания до кончика изображением лотоса с распускающимся бутоном в верхней части клинка; у нижнего изгиба клинок имеет обращенный книзу острый угол, на кончике опущенного вниз верхнего изгиба он намеренно затуплен; заострена только выступающая вперед часть клинка (Müller, 1987, s. 119, 124–127; Massafra, 2012, p. 126, 177)

В Библе в гробницах царей I, II и III были найдены три (в каждой – по одному, древнейший – в гробнице Абишему I (финик. *Abi-shemu*), второй – его сына Ипшемуаби I или Япит-шему-аби (финик. *Ip-shemu-abi*, *Yapit-shemu-abi*), третий – Якинэля (Якинилу; финик. *Yakin-el*)) изготовленных местными мастерами из бронзы и инкрустированных золотом серповидных (арфовидных) меча эпохи правления Аменемхета III (1842–1792 гг. до н.э.), Аменемхета IV (1797–1788 гг. до н.э.) и Хотеп-иб-ра (1774–1764 гг. до н.э.). Они украшены «ползущими» от основания по центру клинка кобрами с головками с раздутыми капюшонами в верхней части. У всех трех клинков заострена только выступающая вперед часть лезвия. У древнейшего меча Абишему I из гробницы I длиной около 65 см сохранились детали золотой ручки с набалдашником в форме грибной шляпки с острым ребром и семью золотыми заклепками в форме цветочков с восемью лепестками. У меча Ипшемуаби I из гробницы II длиной 65 см сохранилась крепящаяся у основания клинка часть ручки с семью золотыми заклепками со шляпками в форме цветочков с восемью лепестками, инкрустированная иероглифическая надпись сообщает имя владельца и его отца. У меча Якинэля из гробницы III помимо клинка длиной 50 см (длина прямой части – 30 см) сохранился только короткий хвостовик (Virolleaud, 1922, p. 282–283; pl. LXV; Montet, 1924, p. 3–6; pl. I; Montet, 1928, p. 173–177; Montet, 1929, pl. XCIX–CI; Jaroš, 1976, s. 55, 264; Müller, 1987, s. 117–123; Gernez, 2007a, p. 129; Gernez, 2007б, p. 427; Schiestl, 2007, p. 265–266; Nigro, 2009, p. 160–162, 165, 169; Berger, 2012, s. 29–30; Massafra, 2012, p. 127–130, 173, 175; Kopetzky, 2015, p. 393–394, 398–399). Г. Герне указывает, что серповидные мечи были распространены в Леванте в 1900–1700 до н.э. (Gernez, 2011, p. 328).

На скарабее периода правления Аменемхета III (1842–1792 гг. до н.э.) выгравировано изображение фараона, заносящего правую руку с серповидным мечом в ней, чтобы поразить врага у его ног, которого правитель держит за волосы левой рукой (Vogel, 2008, p. 72–73).

На печати аморитского царя Первой династии Вавилона Апил-Сина (1830–1813 гг. до н.э.) изображен мужчина с серповидным мечом в опущенной левой руке (Ornan, 2001, p. 8).

По оценке Б. Моллоя, первые бронзовые обоюдоострые мечи длиной 55–100 см и весом до 500–700 г с ребром жесткости на клинке с коротким хвостовиком с отверстием для заклепки на конце и с двумя отверстиями для заклепок на плечиках (Тип А) в Эгейском регионе стали функционировать лишь незадолго до 1800 г. до н.э. (Sandars, 1961, p. 17; Molloy, 2010, p. 404–408; Molloy, 2012, p. 121, 125).

Дворец царя государства Мари (в долинах Евфрата и Хабура) Зимри-Лима (1775–1761 гг. до н.э.) украшен фреской с изображением дарования ему знаков власти богиней, которая держит в левой руке серповидный меч; такого же типа меч нарисован еще на одной фреске из этого дворца в комнате 132 (Sasson, 1969, p. 29; Schmandt-Besserat, 2007, p. 55, 57–59). Серповидный меч изображен на двух цилиндрических печатях слуг Зимри-Лима – Муканнишума и Ана-Син-таклаку (Sasson, 1969, p. 29–30). На печати Муканнишума его держит в правой руке стоящая на двух поверженных врагах крылатая фигура, а перед ней восходящий на груду из четырех тел воин серповидным мечом в правой руке поражает еще одного стоящего перед ним врага, которого держит за руку левой рукой (Ornan, 2007, p. 68–69; Ornan, 2013, p. 582). На гематитовой печати Ана-Син-таклаку (AO21988, Лувр: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=24862; https://www.photo.rmn.fr/archive/13-529609-2C6NU0DEZMFT.html; https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0JT2X3Y; https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0JT2QM0) бородатый мужчина держит серповидный меч в правой руке, а у его ног лежит поверженный враг (Ornan, 2007, p. 68–69).

В Лувре хранится цилиндрическая гематитовая печать из дворца в Мари начала II тыс. до н.э. (AO18360-18361) со сценой поклонения, на которой одна из фигур держит в опущенной левой руке серповидный меч (http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=24860; http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=24861; https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0JT2D0M.). На еще одной датируемой XVIII в. до н.э. цилиндрической печати из гематита из Сирии, хранящейся в Лувре (AO6178) изображена фигура с серповидным мечом в опущенной левой руке (http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=16690; https://www.photo.rmn.fr/C.aspx?VP3=SearchResult&IID=2C6NU0D56UMQ.).

В Британском музее хранится датируемая ок. 1800 г. до н.э. цилиндрическая печать из черного гематита из Сирии или Сиппара (муз. ном. 86267) с изображением богини войны с трезубцем в правой руке и серповидным мечом в опущенной левой руке (https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=33041001&objectId=368813&partId=1.).

На печати девятого года правления аморитского царя Первой династии Вавилона Самсу-Илуны (1749–1712 гг. до н.э.) изображен мужчина с положенным им на плечо серповидным мечом в правой руке (Ornan, 2001, p. 8–9).

Концом XVIII в. до н.э. датируется серповидный (арфовидный) меч из сплава меди (91,85%) с оловом (8,15%) из Телль эль Даб'а (Аварис, дельта Нила) с ребром жесткости, заостренным книзу концом в месте нижнего изгиба клинка и завернутым в завиток (волюту) верхним концом клинка и хвостовиком с тремя отверстиями для заклепок; сохранились также остатки костяной ручки; заострена только выступающая вперед поверхность клинка (Forstner-Müller, 2002, p. 175; Forstner-Müller, 2008, p. 207; Gernez, 2007б, p. 423, 429, 604 et 608; Forstner-Müller, 2010, s. 50–51, 181 und 411–412). И. Форстнер-Мюллер сообщает о типологически почти идентичном серповидному мечу из Телль эль Даб'а клинке, но с хорошо сохранившейся деревянной ручкой, из Египетского музея в Мюнхене: он также имеет ребро жесткости, несколько заостренный книзу клинок в месте его нижнего изгиба и завернутый в завиток (волюту) верхний конец (Forstner-Müller, 2008, p. 208).

Мечи трех типов были выявлены и на юге Средней Азии в ареале Бактрийско-Маргианской археологической культуры (далее БМАК) (2300–1700 гг. до н.э.).

В датируемом концом III – началом II тыс. до н.э. могильнике на берегу большого южного бассейна Северного Гонура (Туркменистан) в цисте (погребение №3130) были найдены

«два так называемых «гарпуна». Один – размером 49 см с серебряной рукояткой, а второй – с острым концом и длиной 65 см… «Гарпуны» этого типа были известны пока только в Египте, Библе и Сиро-Палестине, а также в Эламе и Бактрии. Теперь они выявлены и в Маргиане. Оба «гарпуна» из погребения 3130 были тщательны завернуты в ткань, о чем свидетельствуют отпечатки ее, сохранившиеся благодаря окислам меди… Хотя назначение подобных «гарпунов» с точностью неизвестно, уже были отмечены подобные предметы в руках царей и богов на изображениях месопотамской глиптики» (Дубова, 2004, с. 260–261; см. также: Бакри, 2012, с. 270). По классификации и определению Г. Герне такие «гарпуны» на самом деле являются специфической для Бактрии–Маргианы разновидностью распространенного на древнем Ближнем Востоке серповидного (у него арфовидного) меча; он упоминает о находке трех экземпляров на Гонур-депе в могилах 3130 и 3280 (два округлой на конце формы с частично сохранившимися ручками и третий – угловой и заостренный на конце – украшен продольными бороздками на клинке) и датирует их 2100–1800 до н.э. (Gernez, 2007a, p. 130; Gernez, 2007б, p. 423, 425, 429) (рис. 37). Абу Аль Хассан Махмуд и Е.В. Антонова также считают «гарпуны» из погребения 3130 мечами (Махмуд, 2011, с. 24; Антонова, 2016, с. 197).

Рис. 37. Два типа арфовидных мечей Бактрии-Маргианы из двух погребений Гонур-депе (датировка Gernez, 2007б, p. 423: 2100–1800 до н.э.): верхний – из погр. 3280, два нижних – из погр. 3130.

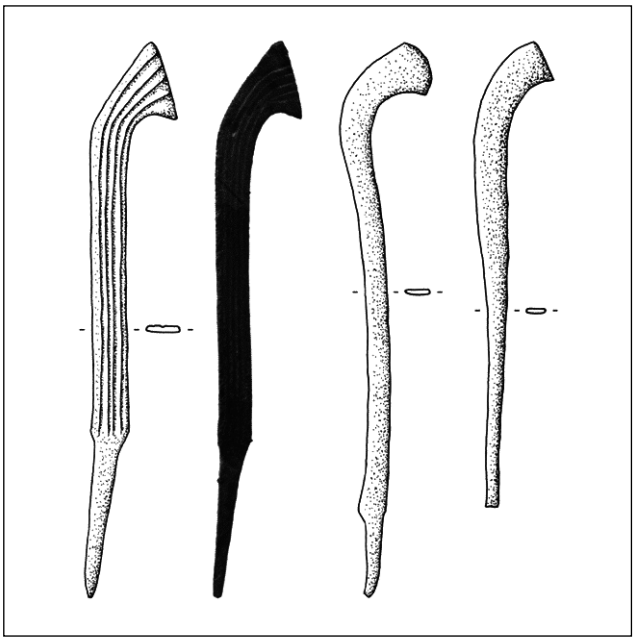


Рис. 38. Серповидные клинки Бактрии-Маргианы по А. Массафра. Лувр. (Бактрия периода Намазга VI (датировка А. Массафра: 2250–1800 до н.э.). По: Massafra, 2012, p. 122–124, 171

А. Массафра сообщает о трех серповидных мечах из Бактрии периода Намазга IV (2250–1800 до н.э.) (рис. 38). Первый меч длиной 50,2 см (Лувр, инв. ном. AO26438, фото см.: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=17016&langue=fr) отлит из меди с примесями олова (2,2%), мышьяка (2,2%) и свинца (1,1%), имеет расширяющееся кверху, особенно после изгиба, лезвие с оттянутым вниз острым выступом на верхнем конце, украшенное четырьмя бороздками по всей длине, несимметричные, покатые плечики и длинный, сужающийся к концу хвостовик (Müller, 1987. S. 112–114). Второй меч длиной 50 см (Лувр) из мышьяковистой меди имеет узкий, сильно изогнутый вверху клинок без ребра жесткости, одно покатое плечико с противоположной от изгиба стороны и длинный, сужающийся к концу хвостовик. Третий меч длиной 42 см (Лувр) из мышьяковистой меди с частично утраченным хвостовиком имеет простой, расширяющийся от хвостовика к плавному изгибу клинок без ребра жесткости, плечики вообще отсутствуют. (Massafra, 2012, p. 122–124, 171)

Н.А. Дубова указывает (личное сообщение), что гонурские «гарпуны» не заострены, что заставляет видеть в них не мечи, а скипетры – знаки власти. В то же время она отмечает, что некоторые отечественные специалисты сопоставляют их с древнеегипетскими хопешами – серповидными мечами (Антонова, 2013, с. 56). Следует отметить, что помещавшиеся в гробницы клинки могли быть символическими или изготовленными специально для погребения и поэтому не заострялись.

В Северном Афганистане в Бактрии был найден обоюдоострый меч длиной 52 см с плечиками и с хвостовиком с короткими намечающимися антенновидными «отростками» на конце. Этот меч по типу относится к мечам культуры медных кладов и охряной керамики и может быть датирован ок. 2000 до н.э. или позже (Parpola, 2015, p. 80) (рис. 39).

Какие же выводы позволяет сделать изложенный выше материал?

РВ и АВШ и присутствие ведийских индоариев в северо-западной части Южной Азии не может датироваться позднее 2000 до н.э., так как с этого времени по всей области от долины Инда до долины Ганги распространяются бронзовые и медные мечи, не упоминаемые обеими Самхитами. Соответственно подтверждается датировка АВШ эпохой Зрелой Хараппы (между 2600 и 2000 гг. до н.э.), а более архаичной РВ – эпохой Ранней Хараппы (до 2600 г. до н.э.).

Далее, следующие регионы должны быть исключены из списка гипотетических прародин индоариев до 2000 по н.э. по причине наличия в них медных или бронзовых мечей: Северо-Западный Кавказ, бассейн Кубани – в 3500–3300 до н.э.; (Юго-)Восточная Анатолия – в 3400–2900 до н.э.; Палестина–Израиль / Ханаан – в 3200–2750 и 2400–2000 до н.э.; Центральная Анатолия – в 2750–2250 до н.э.; Элам – в 2500–2000 до н.э.; Киклады – в 2500–2100 до н.э.; Месопотамия, Шумер – в 2400–2000 до н.э.; Месопотамия, Аккад – в 2350–2200 до н.э.; Северная Анатолия – в 2300–2000 до н.э.; Бактрия–Маргиана (с оговорками, см. далее) – в 2300–2000 до н.э.; Закавказье – в 2200–2000 до н.э.

Рис. 39. Клинок из Бактрии, Северный Афганистан (ок. 2000 до н.э.). По: Parpola, 2015, p. 80

Что касается Бактрии–Маргианы, то вопрос о том, являются ли (все) описанные выше предметы, условно именуемые «гарпунами», мечами или нет, следует считать открытым. Если дальнейшие исследования подтвердят, что (все) они представляют собой, как полагает ряд специалистов, разновидности мечей, то появляется еще одно (Семененко, 2018в, с. 232) доказательство невозможности выведения индоариев с этой территории (или через нее).

Если же окажется, что это все-таки какие-то знаки особого статуса или власти, то это поставит под вопрос выведение (части) носителей БМАК из Анатолии–Сирии через Закавказье, на чем настаивал В.И. Сарианиди (Сарианиди, 2012, с. 11–20). Потому что мы увидели, что обоюдоострые мечи были распространены в Анатолии уже с конца IV тыс. до н.э. и на протяжении III тыс. до н.э. Во второй половине III тыс. до н.э. они зафиксированы в том или ином виде в Анатолии, Сирии, Ханаане, Месопотамии, Закавказье. Уходя (по В.И. Сарианиди) из этого насыщенного обоюдоострыми мечами региона в Бактрию–Маргиану, воины–мигранты не могли не принести с собой один из главных элементов вооружения и воинского культа бронзового века со своей прародины, изобретенный там более чем за тысячу лет до этого. Ни обоюдоострых мечей, ни рапир на территории БМАК (пока) не найдено.

Можно упомянуть еще одну возможность, к которой склоняемся лично мы: миграции из Анатолии–Сирии в Бактрию–Маргиану не было, но существовали активные торговые и культурные взаимосвязи, в результате которых носителями БМАК была разработана своя разновидность ритуально-статусного ударно-рубящего оружия – и похожая на ближневосточные серповидные мечи типа хопеша, и в то же время заметно отличающаяся от них.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова Е.В. Бактрийско-Маргианский археологический комплекс в контексте взаимодействий сообществ Передней Азии // КСИА. Вып. 230. 2013. С. 51–62.

Антонова Е.В. К интерпретации погребений баранов в БМАК // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди / Ред. Н.А. Дубова (гл. ред.), Е.В. Антонова, П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. М.: Старый сад, 2016. С. 191–203.

Атхарваведа. Избранное / Пер., комм. и вступит. статья Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1976. 406 с.

Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 1. Кн. I–VII. М.: Восточная литература, 2005. 572 с.

Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 2. Кн. VIII–XII. М.: Восточная литература, 2007. 293 с.

Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. Т. 3. Кн. XIII–XIX. М.: Восточная литература, 2010. 230 с.

Бакри Абу А.-Х. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб´а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 267–271.

Бонгард-Левин Г. М. Индоарии. Ранние этапы истории // Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. СПб.: Алетейя, 2001. С. 129–142.

Бонгард-Левин Г.М. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации // Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия: История и культура. М.: Наука, 2008. С. 62–78.

Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э.: каталог выставки / под ред. Ю.Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. 871 с.

Джапаридзе О.М. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 75–92.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Елизаренкова Т.Я. Древнейший памятник индийской культуры // Ригведа. Избранные гимны. М.: Наука, 1972. С. 3–89.

Елизаренкова Т.Я. Комментарий // Атхарваведа. Избранное / Пер., комм. и вступит. статья Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1976. С. 333–398.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989а. С. 544–757.

Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989б. С. 426–543.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы V–VIII / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999а. С. 526–731.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999б. С. 354–550.

Елизаренкова Т.Я. Комментарий // Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т.Я. Елизаренковой. Т. 2. Кн. VIII–XII. М.: Восточная литература, 2007. С. 206–280.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. С. 487–525.

Кушнарева К.Х. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 93–105.

Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Новые данные к проблеме датировки памятников «цветущей поры» триалетской культуры // Caucasus: Essays on the archaeology of the Neolithic-Bronze Age. Tbilisi: The Center for archaeological studies of the Georgian Academy of sciences. 2001. № 6. С. 101–116.

Массон В.М. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 60–84.

Махмуд Абу Аль Хассан. Аварис и Гонур // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. 12-14 декабря 2011 г. / Ред. А.С. Балахванцев, Г.Ю. Колганова. М.: ИВ РАН, 2011. С. 21–25.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 158–225.

Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. 767 с.

Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1999а. 743 с.

Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999б. 559 с.

Рысин М.Б. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа финала среднего бронзового века // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб.: ИИМК РАН, «Арт-Экспресс», 2014. С. 170–218.

Рысин М.Б. Обзор новых публикаций по проблемам хронологии и связей триалетской культуры Южного Кавказа // Археологические вести. Вып. 21. 2015. С. 374–393.

Сариниди В. И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 11–28.

Семененко А.А. О культе Ригведы и Махабхараты в связи с их датировкой // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж: издательство «Истоки», 2015. С. 216–222.

Семененко А.А. О прародине индоиранцев (ариев) // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж: «ИСТОКИ», 2016. С. 339–343.

Семененко А.А. Ригведийская река Сарасвати и археология Южной Азии // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. социально-гуманитарные науки. Вып. №1 (11). 2017а. С. 73–83.

Семененко А.А. О датировке Ригведы и Атхарваведы // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. социально-гуманитарные науки. Вып. № 2(12). 2017б. С. 81–91.

Семененко А.А. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. / Ред. Н.А. Дубова (отв. ред.), Е.В. Антонова, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. Москва: Старый сад, 2018а. С. 202–220.

Семененко А. А. О крепостях в Ригведе и Атхарваведе Шаунаки и (Пре)Хараппе и датировке Самхит // Проблемы гуманитарных и социальных наук. № 2(15). 2018б. С. 85–95.

Семененко А. А. О «нестандартных» ригведийских «колесницах» (ратхах) // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. / Ред. Н.А. Дубова (отв. ред.), Е.В. Антонова, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин. Москва: Старый сад, 2018в. С. 221–239.

Abramišvili M. Transcaucasian rapiers and the problem of their origin // Lux Orientis: Archälogie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Geburtstag. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2001. P. 1–8.

Abramishvili M. In search of the origins of metallurgy. An overview of South Caucasian evidence // Von Majkop bis Trialeti: Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr. Beiträge des Internationalen Symposiums in Berlinvom 1.–3. Juni 2006. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2010. P. 167–178.

Agrawal D. P. The Copper hoards problem: a technological angle // Asian Perspectives / University of Hawai'i Press. XII. 1969. P. 113–119.

Ahmed J. Technology and culture change (northern black polished ware culture in the Middle Ganga plain). International E-Publication, 2015. 346 p.

Akgül H.Ç. Looking to the West: the Late Chalcolithic red-black ware of the Upper Euphrates region // Origini XXXIV: Preistoria e protostoria delle civiltà antiche. 2012. P. 97–109.

Al-Jafri N.H. Geography of proto-historic cultures in India. Thesis submitted in supplication for the award of the degree of doctor of philosophy in history. Aligarh: Aligarh Muslim University, 1998. 228 p.

Al Jafri N.H. Proto-historic culture of India: Revisiting ochre coloured pottery culture // Journal Global Values. Vol. VIII. No. 2. Article No. 11. 2017. P. 81–87.

Allchin F.R. A South Indian copper sword and its significance // South Asian archaeology 1975: papers from the third International conference of the Association for the promotion of South Asian archaeology in Western Europe, held in Paris / Ed. J.E. van Lohuizen-De Leeuw. Leiden: E.J. Brill, 1979. P. 106–118.

Ansari S. The Ochre coloured pottery culture: a consideration of the evidence. Dissertation submitted for the award of the degree of master of philosophy in history. Aligarh: Aligarh Muslim University, 2009. 182 p.

Arcan B. Early Bronze Age daggers in Central Anatolia. A Master's thesis. Ankara: İhsan Doğramacı Bilkent University, 2012. 120 p.

Atharva-Veda Saṃhitā. Śaunaka Recension. On the basis of the editions Gli inni dell' Atharvaveda (Saunaka) / translit. a cura di Ch. Orlandi, Pisa 1991; Atharva Veda Sanhita; Eds. R. Roth, W.D. Whitney. Berlin, 1856

[http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/av/avs/avs.htm]

Barthomeuf D. La place de l'Anatolie dans les débuts de la métallurgie du cuivre et du bronze (du VIIe au IIIe millénaire av. J.-C.) // Studia Aegeo-Anatolica. Mélanges préparés sous la direction d'Olivier Pelon. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2004. P. 149–186.

Berger D. Bronzezeitliche Färbetechniken an Metallobjekten nördlich der Alpen. Eine archäometallurgische Studie zur prähistorischen Anwendung von Tauschierung und Patinierung anhand von Artefakten und Experimenten // Forschungsberichte des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. Bd. 2 / Ed. H. Meller. Halle an der Saale, 2012. 334 s.

Berger D., Schwab R., Wunderlich Ch.-H. Technologische Untersuchungen zu bronzezeitlichen Metallziertechniken nördlich der Alpen vor dem Hintergrund des Hortfundes von Nebra // Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. Bd. 5/1: Der Griff nach den Sternen. Internationales Symposiumin Halle (Saale). 16–21 Februar 2005. 2010. S. 751–777.

Branigan K. A Transitional phase in Minoan metallurgy // The Annual of the British School at Athens. Vol. 63. 1968. P. 185–203.

Bryant E. F. The quest for the origins of Vedic culture: the Indo-Aryan migration debate. NY: Oxford University Press, 2004. 416 p.

Chakrabarti D.K. India beyond the Indus Civilisation // The Cambridge World Prehistory. Vol. 1: Africa, South and Southeast Asia and the Pacific / Eds. C. Renfrew, P, Bahn. NY: Cambridge University Press, 2014. P. 433–446.

Cork E. Rethinking the Indus myths: A comparative re-evaluation of the Indus Civilisation as an alternative paradigm in the organisation and structure of early complex societies. Vol. 1, 2: Text. Ph.D Thesis, submitted to the Department of archaeology, Durham University. 2006. 299 p.

Deva K. Problem of the ochre coloured pottery // Potteries in ancient India / Ed. B.P. Sinha. Patna: Patna University, 1969. P. 75–82.

Di Nocera G.M. Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning 3rd Millennium BC // Economic centralization in formative states. The Archaeological reconstruction of the economic system in 4th Millennium Arslantepe / Ed. M. Frangipane. Roma: Sapienza Università di Roma, 2010. P. 255–274.

Di Nocera G.M., Palmieri A.M. The metal objects from the "royal" tomb at Arslantepe (Malatya – Turkey) and the metalwork development in the Early Bronze Age // Landscapes: territories, frontiers and horizons in the Ancient Near East: papers presented to the XLIV Rencontre assyriologique internationale, Venezia, 7–11 July 1997 / Eds. L. Milano, S. de Martino, F. M. Fales, G.B. Lanfranchi. Vol. III. Landscape in ideology, religion, literature and art history. Padova: Sargon, 1999. P. 179–190.

Dönmez Ş. Early Bronze Age metallurgy in Amasya Province, North–Central Anatolia // Problems of Early Metal Age archaeology of Caucasus and Anatolia. Proceedings of international conference. November 19–23, 2014, Georgia / Eds. G. Narimanishvili, M..Kvachadze, M. Puturidze, N. Shanshashvili. Tbilisi: Shota Rustaveli National Science Foundation; Georgian National Museum, 2014. P. 182–197.

Encyclopedia of Indo-European culture / Eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.; Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 829 p.

Forstner-Müller I. Tombs and burial customs at Tell el-Dabca in Area A/II at the end of the MBIIA Period (Stratum F) // The Middle Bronze Age in the Levant. Proceedings of an International Middle Bronze Age conference on MBIIA ceramic material in Vienna 24th-26th of January 2001 / Ed. M. Bietak. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. P. 163–184.

Forstner-Müller I. A New scimitar from Tell El-Dab'a // Archaeology and history in Lebanon. Is. 26-27. Studies in Honor of Jean-Paul Thalmann / Eds. Doumet-Serhal, H. Charaf. Autumn 2007 / Spring 2008. P. 207–211.

Forstner-Müller I. Tell el-Dabʻa 16: Die Gräber des Areals A/II von Tell el-Dabʻa. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften // Untersuchungen der Zweigstelle Kairo des Österreichischen Archäologischen Instituts. Bd. 28. Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 44. Wien, 2010. 437 s.

Frangipane M. The Late Chalcolithic IEB I sequence at Arslantepe. Chronological and cultural remarks from a frontier site // Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe-IIIe millénaires. Actes du Colloque d'Istanbul, 16-19 décembre 1998. Istanbul: Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil, 2000. P. 439–471.

Frangipane M. After collapse: continuity and disruption in the settlement by Kura-Araxes-linked pastoral groups at Arslantepe-Malatya (Turkey). New data // Paléorient. Vol. 40, No 2. The Kura-Araxes culture from the Caucasus to Iran, Anatolia and the Levant: between unity and diversity. CNRS Éditions, 2014. P. 169–182.

Frangipane M. The Role of metal procurement in the wide interregional connections of Arslantepe during the late 4th – early 3rd Millennia BC // Overturning certainties in Near Eastern archaeology. A Festschrift in honor of K. Aslihan Yener / Eds. Ç. Maner, M.T. Horowitz, A.S. Gilbert. Leiden–Boston: Koninklijke Brill NV, 2017a. P. 186–210.

Frangipane M. The Role of metallurgy in different types of early hierarchical society in Mesopotamia and Eastern Anatolia // Appropriating innovations: entangled knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE / Eds. Ph.W. Stockhammer, J. Maran. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books, 2017б. P. 171–183.

Frangipane M., Andersson S.E., Laurito R., Möller-Wiering S., Nosch M.-L., Rast-Eicher A., Wisti L.A. Arslantepe, Malatya (Turkey): Textiles, tools and imprints of fabrics from the 4th to the 2nd Millennium BCE // Paléorient. 2009. Vol. 35. No 1. P. 5–29.

Frangipane M., Di Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T. New Symbols of a new power in a «royal» tomb from 3 000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. 2001. Vol. 27, No 2. P. 105–139.

Garge T. Role of environment in shaping early farming communities in the Chautang basin // Heritage: Journal of multidisciplinary studies in archaeology. 2. Thiruvananthapuram: University of Kerala, 2014. P. 184–197.

Gaur R.C. The Ochre-coloured pottery from Atranjikhera and its significance // Potteries in Ancient India / Ed. B.P. Sinha. Patna: Patna University, 1969. P. 95–101.

Gaur R.C. The Ochre coloured pottery: A Reassessment of the evidence // South Asian archaeology 1973: papers from the second International conference of the Association for the promotion of South Asian Archaeology in Western Europe, held in the University of Amsterdam / Eds. J.E. van Lohuizen-De Leeuw, J.M.M. Ubaghs. Leiden: E. J. Brill, 1974. P. 53–62.

Geldner K.F. Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Erster Teil. Erster bis Vierter Liederkreis // The Harvard Oriental Studies. Vol. 33. Cambridge, Massachusetts; L.; Leipzig: Harvard University Press–Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press–Otto Harrassowitz, 1951a. 490 s.

Geldner K.F. Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Zweiter Teil. Fünfter bis Achter Liederkreis // The Harvard Oriental Studies. Vol. 34. Cambridge, Massachusetts; L. Leipzig: Harvard University Press–Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press–Otto Harrassowitz, 1951б. 435 s.

Geldner K.F. Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Dritter Teil. Neunter bis Zehnter Liederkreis // The Harvard Oriental Studies. Vol. 35. Cambridge, Massachusetts; L.; Leipzig: Harvard University Press–Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press–Otto Harrassowitz, 1951в. 404 s.

Gernez G. Des armes et des hommes. La question des modèles de diffusion des armes au Proche-Orient à l'âge du Bronze // Mobilités, immobilismes. L'emprunt et son refus / Ed. P. Rouillard. Paris: De Boccard, 2007a. P. 119–134.

Gernez G. L'armement en métal au Proche et Moyen-Orient: des origines à 1750 av. J.-C. Thèse de doctorat d'archéologie présentée et soutenue publiquement le 5 décembre 2007. Vol. I: Texte. Paris: Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne, 2007б. 734 p.

Gernez G. The exchange of products and concepts between the Near East and the Mediterranean: the example of weapons during the Early and Middle Bronze Ages // Intercultural contacts in the ancient Mediterranean. Proceedings of the International conference at the Netherlands-Flemish institute in Cairo, 25th to 29th October 2008 / Eds. K. Duistermaat, I. Regulski, G. Jennes, L.Weiss. Leuven; Paris; Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2011. P. 327–341.

Ghosh A. An Encyclopaedia of Indian archaeology. Vol. I. Subjects. Leiden; NY; København; Köln: E.J. Brill, 1990. 511 p.

Gonda J. The Indra hymns of the Rigveda. Leiden; NY; Kobenhavn; Köln: E. J. Brill, 1989. 226 p.

Hauptmann A., Schmitt-Strecker S., Begemann F., Palmieri A. Chemical composition and lead isotopy of metal objects from the «royal» tomb and other related finds at Arslantepe, Eastern Anatolia // Paléorient. 2002. Vol. 28, No 2. P. 43–69.

Hauptmann A., Schmitt-Strecker S., Begemann F. Bronze Age Kfar Monash. Palestine – A chemical and lead isotope study into the provenance of its copper // Paléorient. 2011. Vol. 37, No 2. P. 65–78.

Hestrin R., Tadmor M. A Hoard of tools and weapons from Kfar Monash // Israel Exploration Journal. Vol. 13. No. 4. 1963. P. 265–288.

Hopkins E.W. The Puñjāb and the Rig-Veda // Journal of the American Oriental Society. 1898. 19th vol. 2nd half. P. 19–28.

Hopkins E.W. The Rig Veda // Hopkins E. W. India old and new. – NY–L.: Charles Scribner's Sons–Edward Arnold, 1901. P. 23–35.

Jaroš K. Sichem: Eine archäologische und religionsgeschichtliche Studie mit besonderer Berücksichtigung von Jos 24. Göttingen: Universitätsverlag Freiburg Schweiz Vandenhoeck and Ruprecht, 1976. 280 s.

Keith A.B. The religion and philosophy of the Veda and Upanishads. The first half, chapters 1–19, page 1 to page 312 / Harvard Oriental Series edited with the cooperations of various scholars by C.R. Lanman. Vol. XXXI. Cambridge, Massachusetts; L.: Harvard University Press–Humphrey Milford; Oxford University Press, 1925. 312 p.

Kopetzky K. Egyptian Burial costumes in the Royal tombs I–III of Byblos // Baal. Bulletin d'archéologie et d'architecture libanaises. Hors-Série X. 2015. P. 393–411.

Kumar K. The Ochre coloured pottery or the Rāmāyaṇa Age culture // Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. 72/73. No. 1/4. 1991. P. 379–393.

Kumar V. Archaeological gazetteer of Aligarh and Hathras districts with special reference to OCP and other proto-historic cultures of Indo-Gangetic plains // Indian Journal of Archaeology. Vol. 2, No. 4. Lucknow: National Trust for Promotion of Knowledge, 2017. P. 54–394.

Lal B.B. The Ochre-coloured Pottery // Potteries in Ancient India / Ed. B.P. Sinha. Patna: Patna University, 1969. P. 83–94.

Lamberg-Karlovsky C. C. Archeology and Metallurgical Technology in Prehistoric Afghanistan, India, and Pakistan // American Anthropologist. New Series. Vol. 69. No. 2. Apr., 1967. P. 145–162.

Lassen Ch. Indische Alterthumskunde. Erster Band. Geographie, Ethnographie und aelteste Geschichte. Zweite verbesserte und sehr vermehrte Auflage. Leipzig: Verlag von L. A. Kittler, 1867. 1034+XLXI s.

Macdonell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. I. L.: John Murray, 1912a. 544 p.

Macdonell A.A., Keith A.B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. II. L.: John Murray, 1912б. 592 p.

Mackay E.J.H. Further excavations at Mohenjo-Daro. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-Daro carried out by the Government of India between the years 1927 and 1931. Vol. II: Plates I–CXLVI. Delhi: Government of India Press, Delhi, 1937. CXLVI pl.

Mackay E.J.H. Further excavations at Mohenjo-Daro. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-Daro carried out by the Government of India between the years 1927 and 1931. Vol. I: Text. Delhi: Government of India Press, Delhi, 1938. 718 p.

Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford: Oxford University Press Inc., 2006. 731 p.

Massafra A. Le harpai nel Vicino Oriente antico. Cronologia e distribuzione // Rome «La Sapienza» Studies on the Archaeology of Palestine and Transjordan. Eds. L. Nigro, I. Brancoli Verger, M.S. 9. Rome: «La Sapienza» Expedition to Palestine & Jordan Sezione di Orientalistica, Dipartimento di Scienze dell'Antichità, 2012. 207 p.

Massafra A. A group of metal weapons from Tell el-'Ajjul in the Hunterian Museum, University of Glasgow // Vicino Oriente. XVII. 2013. P. 115–133.

McIntosh J. The ancient Indus valley: new perspectives. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2008. 441 p.

Molloy B. Swords and Swordsmanship in the Aegean Bronze Age // American Journal of Archaeology. Vol. 114, No. 3. July 2010. P. 403–428.

Molloy B.P.C. Martial Minoans? War as social process, practice and event in Bronze Age Crete // The Annual of the British School at Athens. Vol. 107. 2012. P. 87–142.

Montet P. L'Art phénicien au XVIIIe siècle avant J.-C. d'après les récentes trouvailles de Byblos // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. T. 27, Fasc. 1. 1924. P. 1–30.

Montet P. Byblos et l'Egypte Quatre Campagnes de Fouilles à Gebeil 1921-1922-1923-1924. Texte. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1928. 317 p.

Montet P. Byblos et l'Egypte Quatre Campagnes de Fouilles à Gebeil 1921-1922-1923-1924. Atlas. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1929. CLXVII pl.

Mosher M.S. The Architecture of Mohenjo-Daro as Evidence for the Organization of Indus Civilization Urban Neighbourhoods. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Toronto: University of Toronto, 2017. 379 p.

Müller H.W. Der Waffenfund von Baläta-Sichem und die Sichelschwerter mit den chemisch-physikalischen Metallanalysen zum Waffenfund von Hermann Kühn, Deutsches Museum, München und mit Zeichnungen von Fritz Gehrke Vorgetragen in der Sitzung vom 4. März 1966 und vom 25. Oktober 1985 // Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Abhandlungen. Neue Folge, Hf. 97. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1987. 195 s.

Müller F.M. Biographies of words and the home of the Aryas. New impression. L.; NY; Bombay; Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1912. XXVII+278 p.

Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. NY: The Metropolitan Museum of Art, 1988. 501 p.

Nair D.K. The Ochre Coloured Pottery: Reconsidering Issues And Problems // Proceedings of the Indian History Congress. Vol. 73. 2012. P. 1161–1171.

Nigro L. The Eighteenth Century BC Princes of Byblos and Ebla and the Chronology of the Middle Bronze Age // BAAL: Bulletin d'Archéologie et d'Architecture Libanaises. Hors-Série VI (Interconnections in the Eastern Mediterranean: Lebanon in the Bronze and Iron Ages: Proceedings of the International Symposium Beirut 2008) / Ed. Doumet-Serhal C. Beyrouth, 2009. P. 159–175.

Nouvelles Fouilles de Tello par le Commandant Gaston Cros publiées avec le concours de: Léon Heuzey et Fçois Thureau-Dangin. Paris: Ernest Leroux, Editeur, 1910. 327 p.

Ornan, Tallay. The Bull and its two masters: moon and storm deities in relation to the bull in Ancient Near Eastern art // Israel Exploration Journal. Vol. 51. No. 1. 2001. P. 1–26.

Ornan T. Who is holding the lead rope? The relief of the broken obelisk // Iraq. Vol. 69. 2007. P. 59–72.

Ornan T. A silent message: Godlike kings in Mesopotamian art // Critical approaches to Ancient Near Eastern Art / Eds. B. Brown, M.H. Feldman. Berlin: Walter de Gruyter, 2013. P. 569–595.

Palmieri A. Excavations at Arslantepe (Malatya) // Anatolian Studies. Vol. 31. December 1981. P. 101–119.

Palmieri A.M., Hauptmann A., Hess K. Les objets en métal du tombeau monumental d'Arslantepe de 3000 av. J.-C. (Malatya, Turquie) // Revue d'Archéométrie. No 22. 1998. P. 39–43.

Palumbi G. The Arslantepe royal tomb and the "manipulation" of the kurgan ideology in Eastern Anatolia at the beginning of the Third Millennium // Ancestral Landscape. Burial mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe–Balkans–Adriatic–Aegean, 4th-2nd Mill. B.C.). Proceedings of the International conference held in Udine, May 15th-18th 2008. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2012. P. 47–59.

Parpola A. The Roots of Hinduism: The early Aryans and the Indus Civilisation. Oxford–NY: Oxford University Press, 2015. 432 p.

Parrot A. Tello. Vingt campagnes de Fouilles (1877–1933). Paris: Éditions Albin Michel, 1948. 368 p.

Prabhakar V.N. Possible convergence of historic literature and archaeology: Examples of Harappan burial practices and customs // Heritage: Journal of multidisciplinary studies in archaeology. 2. Thiruvananthapuram: University of Kerala, 2014. P. 152–183.

Renfrew C. Cycladic metallurgy and the Aegean Early Bronze Age // American Journal of archaeology. Vol. 71, No. 1. Jan., 1967. P. 1–20.

Rigveda. Metrically restored Text / Eds. K. Thomson, J. Slocum http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/.

Rig-Veda. Übersetzt und mit Kritischen und Erläuternden Anmerkungen Versehen von Hermann Grassmann. In Zwei Theilen. Erster Theil. Die Familien-Bücher des Rig-Veda (Zweites bis Achtes Buch). Leipzig: F. A. Brockhaus, 1876. 589 s.

Rig-Veda. Übersetzt und mit Kritischen und Erläuternden Anmerkungen Versehen von Hermann Grassmann. In Zwei Theilen. Zweiter Theil. Sammelbücher des Rig-Veda (Erstes, Neuntes, Zehntes Buch). Leipzig: F. A. Brockhaus, 1877. 523 s.

Rova E. Potere dei simboli o simboli di potere? La spada lunga tra Vicino Oriente ed Egeo nel II millennio a.C. Corso di Laurea Magistrale in Scienze dell'antichità: letterature, storia e archeologia. Tesi di Laurea. Venezia: Università Ca'Foscari. Anno Accademico 2014/2015. 303 p.

Sandars N.K. The First Aegean swords and their ancestry // American Journal of Archaeology. Vol. 65, No. 1. Jan., 1961. P. 17–29.

Sasson J.M. The Military establishments at Mari. Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1969. 101 p.

Schiestl, Robert. The Coffin from Tomb I at Byblos // International Journal for Egyptian archaeology and related disciplines / Ed. M. Bietak. XVII. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2007. P. 265–271.

Schmandt-Besserat D. When writing met art: from symbol to story. Austin: University of Texas Press, 2007. 133 p.

Schrader O. Prehistoric antiquities of the Aryan peoples: A Manual of comparative philology and the earliest culture. Being the 'Schprachvergleichung und Urgeschichte' / transl. F.B. Jevons. L.: Charles Griffin and Company, 1890. 486 p.

Selover S.L. Excavating War: the archaeology of conflict in Early Chalcolithic to Early Bronze III Central and Southeastern Anatolia. A dissertation submitted to the Faculty of the Division of the Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Chicago. Chicago, Illinois: The University of Chicago, June 2015. 678 p.

Semenenko A.A. Arable farming of Vedic Indo-Aryans according to Atharvaveda Shaunakiya and Samhitas' Dating // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной заочной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2016 г.). Воронеж: Воронежский ГАУ, 2016. С. 362–366.

Shalev S. Redating the 'Philistine Sword' at the British Museum: A case study in typology and technology // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 7, No. 3. November 1988. Oxford: Basil Blackwell. P. 303–311.

Sharma D.V., Nauriyal K.C., Prabhakar V.N. Excavations at Sanauli 2005-06: A Harappan necropolis in the upper Ganga-Yamuna Doab // Puratattva. 36. 2006. P. 166–179.

Singh K. Indian protohistoric weapons and implements: a study (with special reference to Haryana and Punjab). A Thesis submitted to Kurukshetra University, Kurukshetra in partial fulfillment of the requirement of the degree of Doctor of Philosophy in Ancient Indian history, culture and archaeology. Kurukshetra: Kurukshetra University, 2015. XVI+362 p.

Singh S.D. Ancient Indian warfare: with special reference to the Vedic period. Leiden: E. J. Brill, 1965. 203 p.

Smith V.A. The Copper Age and prehistoric Bronze implements of India // Indian Antiquary. Vol. XXXIV. 1905. P. 229–244.

Sontakke P.V., Sontakke V.G. Coexistence of culture and civilization: a study in terms of Indus valley civilization and Chalcolithic Cultures of Ganga Plain // Heritage: Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology. 1. Thiruvananthapuram: University of Kerala, 2013. P. 458–465.

Stronach, D. B. The Development and diffusion of metal types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. Vol. 7. 1957. P. 89–125.

Subramanian T.S. Royal burial in Sanauli // Frontline. India's National Magazine. September 28, 2018 // https://frontline.thehindu.com/arts-and-culture/heritage/article24923229.ece.

Talma M. An Experimental diachronic exploration of Patination methodology of dark patinated (arsenical) copper alloys on case studies from the Eastern Mediterranean Bronze Age and Early Iron Age // Experimental Archaeology. Is. 2018. N1 // https://exarc.net/ark:/88735/10337.

The Rigveda. The earliest religious poetry of India / Transl. S.W. Jamison, J.P. Brereton. Oxford;–NY: Oxford University Press, 2014. 1693 p.

The Royal city of Susa: Ancient Near Eastern treasures in the Louvre / Eds. P.O. Harper, J. Aruz, F. Tallon. NY: The Metropolitan Museum of Art, 1992. 315 p.

Thomas E. The rivers of the Vedas, and the way the Aryans entered India // Journal of the Royal Asiatic Society. New Series. Vol. XV. 1882. P. 357–386.

Vedic Hymns translated by F.M. Müller. Part I. Hymns to Maruts, Rudra, Vāyu, and Vāta // The Sacred Books of the East / translated by various oriental scholars and edited by F.M. Müller. Vol. XXXII. Oxford: at the Clarendon Press, 1891. 556 p.

Virolleaud Ch. Découverte a Byblos d'un hypogée de la douziéme dynastie égyptienne // Syria. Vol. 3, Fasc. 4. 1922. P. 273–290.

Vogel C. Icon of propaganda and lethal weapon: further remarks on the Late Bronze Age sickle sword // Warfare and society in the Ancient Eastern Mediterranean. Papers arising from a colloquium held at the University of Liverpool, 13th June 2008 / Eds. S. O'Brien, D. Boatright. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 71–87.

Wheeler M. Early India and Pakistan to Ashoka. NY: Frederick A. Praeger, 1959. 190 p.

Wheeler M. Civilizations of the Indus valley and beyond. L.: Thames and Hudson, 1966. 144 p.

Wheeler M. The Indus Civilization. Supplementary volume to the Cambridge History of India. 3rd edition. Cambridge: University Press, 1968. 144 p.+XXXIV pl.

Wilson H.H. Preface // The Vishṇu Purāṇa: a system of Hindu mythology and tradition, translated from the original Sanskrit by H. H. Wilson. Vol. I. L.: Trübner and Co., 1864. P. I–CXVII.

Yalçin Ü., Yalçin H. Gönül. Evidence for early use of tin at Tülintepe in Eastern Anatolia // Tüba-ar. Türkiye bilimler akademisi arkeoloji dergisi. Turkish academy of sciences Journal of archaeology. 12. 2009. P. 123–142.

Yalçin Ü., Yalçin H.G. Könige, Priester oder Handwerker? Neues über die frühbronzezeitlichen Fürstengräber von Alacahöyük // Anatolian Metal VIII. Eliten–Handwerk–Prestigegüter. [Montanhistorische Zeitschrift. Der Anschnitt. Beiheft 39 = Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum, Nr. 226]. Bochum: In Kommission bei VML Verlag Marie Leidorf GmbH, Rahden/Westf., 2018. S. 91–122.

Yule P. Metalwork of the Bronze Age in India. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1985. 129 p.+108 pl.

Yule P. The Copper hoards of the Indian subcontinent preliminaries for an interpretation // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 36. 1989. P. 193–260.

Yule P. The Copper hoards of Northern India // Expedition Magazine. Vol. 39, Issue 1. 1997. P. 22–32.

Zimmermann Th., Necdet D., Önder T.K. Ein neues Schwert vom Typus, Arslantepe'— frühmetallzeitliche Waffentechnologie zwischen Repräsentation und Ritual // Praehistorische Zeitschrift. Bd. 86. May 2011. S. 1–7.

ובס, לאבים, Sebbane M. The Kfar Monash hoard – A re-evaluation / שנום רפכמ וומטמה – תשדוחמ הניחב // Eretz-Israel: archaeological, historical and geographical studies / לארשי-זרא: היתוקיתעו זראה תעידיב סירקחמ, זכ. Israel exploration society. 2003. P. 169–184.